

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

*К 200-летию
Азиатского Музея —
Института восточных рукописей РАН*

Asiatic Museum
~
Institute
of Oriental Manuscripts, RAS

Collections and Personalia

Moscow
Oriental Literature Publisher
2018

Азиатский Музей

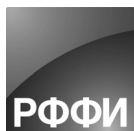
Институт
восточных рукописей РАН

Путеводитель

Москва
Издательство восточной литературы
2018

УДК 7.0
ББК 79.18
А35

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований,
проект № 18-19-00050,
не подлежит продаже*

Ответственный редактор
и руководитель проекта
И.Ф. Попова

Азиатский Музей — Институт восточных рукописей РАН : путеводитель / Ин-т восточных рукописей РАН (Азиатский Музей) ; отв. ред. И.Ф. Попова. — М.: Изд-во восточной литературы, 2018. — 895 с. : ил. — ISBN 978-5-9907945-9-7

Издание приурочено к 200-летию юбилею Института восточных рукописей РАН, основанного 23(11) ноября 1818 г. как Азиатский Музей Санкт-Петербургской Императорской Академии наук.

Книга посвящена истории создания и описанию коллекции Института восточных рукописей РАН, является путеводителем по фондам Института, включает статьи о его сокровищах и сведения о людях, трудившихся в Азиатском Музее — Институте востоковедения АН СССР в Ленинграде — Институте восточных рукописей РАН или же исследовавших памятники петербургского (ленинградского) собрания восточных рукописей. Это собрание в настоящее время является крупнейшей в России и одной из наиболее значимых коллекций восточных рукописей в мире, рядом с которой можно поставить лишь собрание Британской библиотеки и Национальной библиотеки Франции.

Коллекция ИВР РАН содержит более 115 тыс. рукописей и старопечатных книг на 65 живых и древних восточных языках, в том числе прекрасно иллюстрированные издания, являющиеся памятниками мировой культуры.

ISBN 978-5-9907945-9-7

© Институт восточных рукописей РАН, 2018
© Оформление. Издательство восточной литературы, 2018

И.Ф. Попова

**От Азиатского Музея
к Институту восточных рукописей РАН:
собиратели и исследователи
рукописной книги народов Востока**

Настоящее издание является путеводителем по фондам Института восточных рукописей РАН, включает обзоры основных коллекций, а также представляет в форме энциклопедических статей основные сокровища рукописного собрания и *personalia* — сведения о людях, связанных с историей Азиатского Музея — Института востоковедения АН СССР в Ленинграде — Института восточных рукописей РАН или же исследовавших памятники петербургского (ленинградского) собрания восточных рукописей.

Созданная усилиями не одного поколения граждан, служивших России, коллекция Азиатского Музея — Института восточных рукописей РАН представляет собой уникальное явление в отечественной культуре. В настоящее время это крупнейшая в России и одна из двух-трех наиболее значимых коллекций восточных рукописей в мире, сопоставимая с собраниями Британской библиотеки и Национальной библиотеки Франции. Коллекция содержит более 115 тыс. рукописей и старопечатных книг на 65 живых и древних восточных языках.

Появление Азиатского Музея — первого востоковедного учреждения в России — положило начало отечественному академическому востоковедению. Датой создания АМ считается 23 (11) ноября 1818 г. — день, когда президент Императорской Санкт-Петербургской Академии наук Сергей Семенович Уваров (1786–1855) обратился в Комитет Правления Академии с письмом «о необходимости устроить при Кунсткамере Академии особое отделение для медалей, рукописей и книг восточных»¹.

¹ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1818). Ед. хр. 52. Л. 12–13.

Созданию этого учреждения предшествовал длительный подготовительный период, связанный с практическим знакомством русских со странами и народами Востока, с восточной политикой Российской империи и проектами создания специальных востоковедных («ориентальных») школ и академий в XVIII в.²

С момента основания главным направлением деятельности Музея стало изучение историко-культурного наследия народов Востока на основе сбора и исследования письменных источников — памятников рукописной культуры.

Формирование академических коллекций началось в России задолго до учреждения самой Академии наук: интерес к археологическим находкам, книгам и документам привел к появлению монастырских, церковных и княжеских древлехранилищ в России почти тысячу лет назад³. Но систематическое изучение и объединение восточных рукописей в коллекции относится не ранее чем к началу XVIII в. Подлинный интерес общества России и европейских стран к культуре, праву и государственной системе Востока сочетался с любопытством к невиданной экзотике, которое привело к появлению обширных частных коллекций декоративно-прикладного искусства. Первые восточные книги, пришедшие в Россию, стали частью именно таких собраний. Они поступали в российские частные библиотеки из Европы, за исключением книг арабской графики, бывавших в мусульманских регионах нашей страны.

Первые уставные документы Академии наук, начиная с 1724 г., признавали приумножение книжных фондов и коллекций натуральных, «куриозных» вещей важнейшим направлением ее деятельности⁴. В дальнейшем АН уделяла большое внимание вопросам пополнения своих коллекций, а также их хранению, каталогизации, описанию и обслуживанию. Ради этой цели в январе 1759 г. было введено звание члена-корреспондента АН («класс академических корреспондентов»). Звание было почетным, присваивалось ученым и путешественникам, которые получали от Академии наук ежегод-

² Дорн Б. Азиатский Музей // ЗИАН. Вып. 5 (1864). С. 163–174; Савельев П. С. Предположения об учреждении востоковедной академии в С.-Петербурге, 1733 и 1810 гг. // ЖМНП. Вып. 89 (1855), ч. 3. С. 27–36; Куликова А. М. Проекты востоковедного образования в России (XVIII — вторая половина XIX в.) // НАА. 1970. № 4. С. 133–139; Базиянц А. П., Гринкруг И. М. Три проекта организации изучения восточных языков и Востока в России в XVIII–XIX столетиях // Формирование гуманистических традиций отечественного востоковедения (до 1917 года). М.: Наука, 1984. С. 33–52.

³ Станюкович Т. В. Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.; Л., 1953. С. 8.

⁴ Уставы Академии наук СССР. М., 1974. С. 36, 54.

ное содержание. Тогда же появились зарубежные корреспонденты АН. Главная их задача состояла в том, чтобы сообщать АН о достойных ее внимания коллекциях и содействовать их приобретению⁵.

В «Регламенте Академии наук» 1803 г. и в первом «Уставе Санкт-Петербургской Академии наук» 1836 г. присутствовали разделы «О ученых принадлежностях Академии»⁶, регламентировавшие работу с «драгоценными собраниями» АН. Именно необходимость специализированной научной работы с коллекциями привела к появлению первых отраслевых учреждений АН, или академических музеев — Азиатского, Ботанического, Зоологического, Египетского, Этнографического, — созданных на основе отделов или кабинетов Кунсткамеры.

К началу XIX в. сложились необходимые предпосылки для возникновения в Санкт-Петербурге первого востоковедческого центра, одним из важнейших направлений деятельности которого стало собирание и изучение рукописной книги восточных народов. В задачу АМ входил подбор восточных рукописей и книг по ориенталистике.

Одним из поводов для создания АМ была покупка в 1819 и 1825 гг. (в два приема) на общую сумму 25 тыс. рублей более 700 уникальных арабографичных рукописей от Жана-Батиста-Луи-Жака Руссо (1780–1831), французского консула в Алеппо и родственника великого философа. Следует отметить, что Ж.-Л. Руссо готов был продать свою коллекцию французскому правительству, но оно, испытывая в ту пору сильнейшие финансовые трудности, не приняло предложение коллекционера. Тогда рукописи были проданы владельцем русскому правительству при посредничестве долгое время жившего в Париже известного коллекционера П.П. Дубровского. Две покупки рукописей Руссо не просто положили начало длительному периоду формирования рукописных фондов АМ, но сразу же поставили АМ в ряд важнейших европейских хранилищ восточных рукописей. Коллекция Руссо, собранная тонким знатоком восточной рукописной книги в важнейших ученых центрах арабского Востока, в частности в Багдаде и Алеппо, сделала АМ обладателем ряда ценнейших арабских и персидских письменных памятников, в ряде случаев уникальных. Материалы коллекции Руссо по прекрасному подбору редких рукописей всегда составляли гордость АМ, который на протяжении всего XIX и начала XX в. постоянно пополнялся все новыми и новыми коллекциями, в том числе значи-

⁵ Азиатский музей — ЛО ИВ АН. С.10.

⁶ Уставы Академии наук СССР. С. 84–87, 111–113.

тельными материалами на языках народов Ближнего и Среднего Востока.

Первым директором Азиатского Музея стал Христиан Данилович Френ (1782–1851), который отдал служению ему 24 года своей жизни. Во многом благодаря его усилиям АМ за два десятилетия прошел путь, на который другим востоковедным европейским центрам потребовалось около 200 лет. Х.Д. Френ стремился не только превратить АМ в хранилище рукописей и книг, но и сделать его востоковедным научным центром. Долгое время АМ имел лишь двух штатных сотрудников, но его директор приглашал на временную работу специалистов, помогавших организовывать хранение восточных рукописей, книг по востоковедению и коллекций восточных монет, проводить каталогизацию фондов.

Работа с собранием Руссо сразу же дала импульс развитию арабистики как в Санкт-Петербурге, так и во всей России. Большую роль в этом деле сыграли сам Х.Д. Френ, а также ученик Сильвестра де Саси — Ж.-Ф. Деманж (1789–1839), который в 1819 г. начал преподавание арабского языка в Петербургском университете. В 1822 г. его сменил Осип Иванович Сенковский (1800–1858). При этом, как отметил И.Ю. Крачковский (1883–1951), вплоть до середины XIX в., когда умер Х.Д. Френ и был открыт Факультет восточных языков (1855), во главе научной арабистики стояли АМ и неотделимый от него Френ⁷.

В дальнейшем каждое крупное приобретение АМ напрямую влияло на развитие востоковедных дисциплин в России. Покупка в 1836 и 1838 гг. коллекций Павла Львовича Шиллинга фон Канштадта (1786–1837) содействовала развитию тибетологии, монголоведения и буддологии. Николай I лично распорядился уплатить Шиллингу за его коллекции «немедленно пятнадцать тысяч рублей из хозяйственных сумм департамента народного просвещения и сверх того производить ему из сих же сумм по две тысячи пятьсот рублей ежегодно до тех пор, пока жизнь его продолжится»⁸. Большой вклад П.Л. Шиллинг внес и в формирование китайских коллекций АМ: по его заказу члены Русской духовной православной миссии в Пекине приобретали ксилографические издания. СобираТЕЛЬСКИЕ усилия М.И. Броссе (1802–1880) в середине XIX в. привели к прорыву в области грузиноведения и арменистики, созданию самого сильного в мире кавказоведения и уникальных фондов армянских и грузинских рукописей.

⁷ Крачковский И.Ю. Очерки истории русской арабистики. М.; Л., 1950. С. 99.

⁸ АВ ИВР РАН. Ф. 56. Оп. 1. Ед. хр. 116. Л. 5.

Первоначально АМ находился в одном из помещений Кунсткамеры и с июля 1819 г. был открыт всем желающим для научных занятий «без всяких формальностей». В ноябре 1819 г. Х.Д. Френ опубликовал отчет за первый год деятельности АМ в «Санкт-Петербургских ведомостях». Нумизматические интересы первого директора обусловили характер пополнения фондов: в течение первых 20 лет существования АМ на первом месте стояли монеты. Наиболее раннее издание с описанием коллекций АМ также было посвящено нумизматике⁹. Многие усилия Х.Д. Френ посвятил также приумножению рукописных фондов АМ. Действуя через министерство финансов, он издал в 1834 г. своего рода инструкцию, в которой перечислялись рукописи, представлявшие особую ценность для науки, а в 1845 г. по просьбе министра финансов Ф.П. Вронченко (1780–1852) подготовил расширенный перечень-руководство для сбора рукописей, который в том же году был напечатан¹⁰.

В 1830-е годы Императорская Санкт-Петербургская Академия наук значительно расширила свою деятельность, получила возможность приумножить коллекции и открыть новые учреждения. В Уставе АН, принятом в 1836 г., «восточная словесность и древности» впервые были упомянуты среди наук, «усовершенствованием коих Академия должна заниматься»¹¹. Кроме того, из сумм, ассигнуемых АН на обогащение коллекций, разрешалось выплачивать «небольшие временные оклады таким путешественникам или собирателям, которые в течение известного времени постоянно и усердно занимаются собиранием предметов, до сих коллекций относящихся, и доставляют оные в Академию»¹².

В 1842 г. директором Азиатского Музея стал академик Борис Андреевич Дорн (1805–1881) — крупный арабист, иранист и афганист, которому суждено было возглавлять Музей почти 40 лет. Ему принадлежит заслуга организации многих экспедиций востоковедов в восточные регионы России с целью сбора материалов для изучения восточных языков и возможного приобретения рукописей для коллекции АМ. При Б.А. Дорне Музей стал крупнейшим собранием восточных рукописей и превратился в значительный научный центр, который привлекал к себе востоковедов Петербурга и Москвы, мно-

⁹ *Fraehn C.M.* De Academiae Imperialis Scientiarum Petropolitanae Museo Numario Muslemico. Prolusio Prior, qua dum Conviat Accurata Descriptio Ejus Copia et Praesantantia Obiter Contuenda Proponitur. Particula prima. Petropoli, 1818.

¹⁰ Азиатский музей — ЛО ИВ АН. С. 19.

¹¹ Уставы Академии наук СССР. С. 93.

¹² Там же. С. 118.

гих зарубежных ученых. В 1846 г. Дорном была опубликована книга-справочник по истории АМ, содержащая обширные сведения и документальные материалы о формировании его коллекций¹³.

Вплоть до начала XX в. собирательские задачи были главными и определяющими в деятельности Музея, целью которого было «собрать всю литературу по востоковедению»¹⁴. Важнейшим принципом жизни и развития АМ было понимание того неоспоримого факта, что книга, рукопись, источник являются важнейшей базой любого исследования. Первые директора и (с 1823 г.) сотрудники АМ основное свое время посвящали составлению научных каталогов и описанию фондов АМ, хотя не все коллекции обрабатывались равномерно. Х.Д. Френ и Б.А. Дорн первостепенное внимание уделяли собраниям на языках Ближнего Востока; что же касается дальневосточных памятников, то они приводились в порядок от случая к случаю¹⁵. В 1840 г. М.И. Броссе составил оставшийся неопубликованным каталог китайских, японских и маньчжурских книг¹⁶. Рукописные фонды постоянно росли, и в 1861 г. АМ переместился на первый этаж нового здания АН в Таможенном переулке, дом 2.

К середине XIX в. структура АМ имела следующий вид.

Отделение I. Библиотека (печатные книги), насчитывающая около 9 тыс. номеров.

Отделение II. Рукописи и ксилографы (арабские, персидские, тюркские, грузинские, армянские, китайские, японские, санскритские, тибетские, монгольские). Около 4 тыс. ед. хр.

Отделение III. Смесь (фрагменты рукописей, карты и т.д.). 216 ед. хр.

¹³ Dorn B. Das Asiatische Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg. SPb., 1846.

¹⁴ Наука в России. Справочный ежегодник. Данные к 1 января 1918 г. Вып. 1. Пг., 1920. С. 3.

¹⁵ Каталог книгам и рукописям на маньчжурском языке, находящимся в Азиатском музее Императорской Академии наук. 1848 г.; [Здесь же]. Каталог книгам и рукописям на манджурском языке, находящимся в Азиатском музее Императорской Академии наук, составленный Д. Банзаровым (lu le 31 mars 1848) // АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 2. Ед. хр. 10; Каталог китайских, маньчжурских, монгольских и японских книг // АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 2. Ед. хр. 24; Каталог китайских и маньчжурских книг, составленный о. Гиацинтом // АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 2. Ед. хр. 26.

¹⁶ Catalogue des livres et manuscrits Chinois, Mangchous, polyglottes, Japonnais et Coréens de la bibliothèque du Musée Asiatique de l'Académie Impériale des Sciences rédigé par M. Brosset // СПбФ АРАН. Ф. 789. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 1–97.

Отделение IV. Минц-кабинет, в котором хранилось более 20 тыс. монет.

Отделение V. Древности. Предметы материальной культуры народов Востока. 269 ед. хр.¹⁷.

К последнему отделению относились следующие «достопримечательности и редкости»: «1. Магометанские из золота, серебра, драгоценных камней, бронзы — 32. 2. Древние персидские из камня — 12. 3. Китайские: а) из серебра и серебром обитые — 9; б) из меди и пр. — 68; в) из камня, большею частью агалматолита, — 85; д) из слоновой кости, фарфора, дерева — 27; е) картины — 20; ф) смешанные вещи: лакированные и иные, служащие к домашнему употреблению вещи — 96. 4. Японские — 68. 5. Монгольские и калмыцкие: а) идолы из позолоченной меди, глины и в изображениях — 138; б) другие к ламайскому богослужению предназначенные вещи — 16; в) прочие монгольские вещи — 12. 6. Смешанные и еще не определенные — 13»¹⁸.

Музей активно занимался просветительской деятельностью, представляя свои фонды широкой публике. Это было учреждение, «открытое ежедневно для многочисленных посетителей», долгое время находившееся под одной крышей с АН и представлявшее собой важную составляющую ее музейного комплекса. Желавшие могли ознакомиться с выставленными в АМ раритетами, а востоковеды — пользоваться его рукописями. «Азиатский музей, — писал Б.А. Дорн, — открыт по положению ежедневно от 10 часов утра до полудня, за исключением субботних, воскресных и праздничных дней, но желающие допускаются в оный и в эти дни, а отпуск книг производится, по просьбе, во всякое время дня»¹⁹.

Развитию деятельности АМ способствовал целый ряд государственных и научных организаций. В 1845 г. в Санкт-Петербурге было создано Русское географическое общество, а в 1846 г. — Русское археологическое общество. Первоначально АМ и Археологическое общество проводили совместные заседания, посвященные археологии Востока²⁰. Благодаря экспедициям, организуемым РГО и Археологическим обществом, коллекции АМ пополнились новыми памятниками.

¹⁷ Дорн Б.А. Азиатский музей. [СПб., 1864]. Отд. оттиск. С. 28.

¹⁸ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 153об–154, 175.

¹⁹ Дорн Б.А. Азиатский музей. С. 28.

²⁰ Тихонов Д.И. Из истории Азиатского музея // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 2. М., 1956. С. 460.

Уже к середине XIX в. АМ стал единственным государственным центром хранения и изучения восточных рукописей, гарантировал их сохранность и пользование для научных и практических целей. Помимо изучения рукописей учеными и практиками-востоковедами Санкт-Петербурга в самом Музее их по существовавшему в то время порядку пересылали для научной работы во внутренние губернии России и даже за границу. В 1864 г. специальная комиссия по разработке нового устава АН внесла предложение именовать в дальнейшем Музей Азиатским отделением Библиотеки. Академики Б.А. Дорн, В.В. Вельяминов-Зернов (1830–1904), М.И. Броссе выступили категорически против этой реформы. 4 декабря 1864 г. общее собрание АН постановило оставить АМ по-прежнему самостоятельным учреждением в системе Академии²¹.

Работы большинства отечественных востоковедов в XIX в. основывались на источниках, хранившихся в АМ. В фондах АМ работали О.Н. Бётлингк (1815–1904), В.П. Васильев (1818–1900), О.М. Ковалевский (1800–1878), В.В. Григорьев (1816–1881), Н.В. Ханыков (1819–1878), И.П. Минаев (1819–1878) и многие другие. Исследования П.С. Савельева (1814–1859), В.В. Вельяминова-Зернова и В.Г. Тизенгаузена были основаны на нумизматических коллекциях АМ. Пользуясь материалами рукописной коллекции и библиотеки Азиатского Музея, они, что особенно важно, исследовали памятники восточной письменности, раскрывая научное содержание фондов Музея, подготавливая почву для публикации особо ценных памятников.

В 1849 г. Илья Николаевич Березин (1818–1896) издал «Книгу о Шейбани-хане» по списку рукописи, сделанному в Бухаре в XIII в. и поступившему в Азиатский Музей из собрания А.К. Казембека. Этот перевод автор считал первым шагом к изучению рукописей на чагатайском языке, проливающих свет на историю российско-монгольских отношений. В 1857 г. в Казани появилось выполненное Николаем Ивановичем Ильминским (1892–1891) по факсимиле хайдарабадского списка издание «Бабур-наме» Мухаммеда Захир аддин-Бабура, основателя империи Великих Моголов. В основу издания Н.И. Ильминский положил старейший список «Бабур-наме», переписанный Г.Я. Кером в 1737 г., из собрания АМ.

В 1869 и 1873 гг. как дополнение к «Землеведению Азии» К. Риттера был опубликован в двух выпусках исторический свод Василия Васильевича Григорьева (1818–1881) «Восточный или Китайский

²¹ Там же. С. 462.

Туркестан»²², в котором были учтены не только исследования европейских авторов, но и античные и арабо-персидские источники.

С момента основания АН статьи по Востоку публиковались вместе с другими материалами в научных периодических изданиях самой Академии²³. В 1836 г. АН учредила новое издание — «Bulletin scientifique publié par l'Académie imp. des sciences de St. Petersburg et rédigé par son secrétaire perpétuel», в котором печатались и статьи по востоковедению, в 1849 г. вышел первый номер специализированного востоковедного журнала на французском языке «Mélanges asiatiques» («Азиатские заметки»), который издавался регулярно до 1894 г. Впоследствии печатным научным органом востоковедов стали «Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества», выходившие с 1886 по 1921 г.

Помимо систематической выписки книг и журналов АМ приобретал личные библиотеки ученых-востоковедов. В фонд АМ вошли собрания Х.Д. Френа (1852), Б.А. Дорна (1881), М.И. Броссе (1884), Э.В. Брейтшнейдера (1900), В.П. Васильева и В.Г. Тизенгаузена (1902), А.О. Ивановского (1904), П.А. Дмитриевского (1908), В.Ф. Миллера (1914), К.Г. Залемана (1916), В.В. Радлова и О.Э. Лемма (1918), Б.А. Тураева и О.О. Розенберга (1920) и др.

В XIX в. трудами членов Российской духовной православной миссии в Пекине продолжалось комплектование коллекции китайских рукописей и ксилографов АМ. В 1832 г. студентом XI Миссии Павлом Курляндцевым в Россию был доставлен редкий список романа Цао Сюэциня «Сон в красном тереме» — «Записки о Камне» («Ши тоу цзи»). С деятельностью П.И. Каменского были связаны поступления в АМ переводов Библии на китайский язык, выполненных членами Православной миссии и католическими миссионерами в Китае (Маттео Риччи и др.). В 1868 г. для АМ было приобретено 100 книг из коллекции З.Ф. Леонтьевского, в том числе его собственная рукопись «Первые три тома Истории Карамзина, на китайский язык переведенные Захаром Леонтьевским» («Лосия го ши»).

Некоторые рукописи и целые коллекции были принесены в дар исследователями и меценатами. В 1879 г. в АМ передал свою коллекцию П.И. Лерх (1828–1884), основатель отечественного курдо-

²² *Ritter [K]*. Землеведение. Восточный или Китайский Туркестан. Перевел с присокуплением критических примечаний и дополнил по источникам, изданным в течение последних тридцати пяти лет, В.В. Григорьев. Вып. 1. СПб., 1869; Вып. 2, СПб., 1873.

²³ *Ливотова О.Э., Португаль В.Б.* Востоковедение в изданиях Академии наук. 1726–1917. Библиография. М., 1966. С. 4–5.

ведения. В составе его коллекции была уникальная рукопись «Китаб ал-ансаб» известного мервского ученого XII в. Абу Саид Абд-ал-Керим ал-Самани, содержащая словарь персоналий по племени, роду или городу, а также богатый историко-географический материал, в XIII в. использованный прославленным географом Йакутом для его словаря. В 1892 г. поступили еврейские книги и рукописи Л.Ф. Фридлянда (*Bibliotheca Friedlandiana*), который завещал свое собрание АМ вместе со средствами, специально выделенными для его описания.

Выдающуюся роль в формировании фондов АМ сыграли русские дипломаты. В 1844 г. Правительство России вменило в обязанность всем консулам, служившим в Азии, покупать древние рукописи на восточных языках. Этот порядок неукоснительно соблюдался вплоть до 1914 г., начала Первой мировой войны. Большие коллекции были переданы в АМ из Азиатского департамента МИД в 1864 г. Собранные дипломатами на Дальнем Востоке книги и рукописи на корейском и японском языках пришли в АМ в конце XIX — начале XX в. С этого времени особое место в отечественном востоковедении занимает изучение Японии и Кореи. С библиотекой генерального консула в Сеуле и Шанхае П.А. Дмитриевского (1852–1899), который был знатоком восточной книги, в собрание АМ вошли редкие корейские рукописи и ксилографы, а также ценные издания китайских ксилографов и литографий. Благодаря усилиям дипломатов в Россию в 1910 г. была доставлена уникальная «Муракка» — альбом миниатюр персидско-индийской исфаганской школы XVII в.²⁴, купленный из шахской библиотеки в Тегеране в жесткой конкурентной борьбе с англичанами и французами на специально выделенные Николаем I 15 тыс. рублей²⁵.

После присоединения Средней Азии к Российской империи собирательские усилия российских востоковедов в этом регионе становятся более активными. Оживлению интереса к судьбам восточных рукописей в известной мере содействовали предпринятые в это время поиски библиотеки Тамерлана. Вовлеченный в эти поиски Александр Львович Кун (1840–1888) позже сделал многое для спасения от гибели рукописей из ханского дворца в Хиве. Из собранных им рукописей на персидском, арабском и тюркских языках 134 были переданы в дар АМ в 1890 г.

²⁴ В 2017 г. «Петербургская Муракка» была включена в список ЮНЕСКО «Память мира».

²⁵ *Ivanov A.A. The Compiling and Decoration of the Album // The St. Petersburg Mu-rakqa. Album of Indian and Persian Miniatures From the 16 Through 18 Century and Specimens of Persian Calligraphy by 'Imad al-Hasani / Ed. by Oleg Akimushkin. Milano, 1996. P. 19–20.*

После смерти Б.А. Дорна в истории АМ наступил непростой период. Вплоть до 14 февраля 1890 г., когда Музей возглавил Карл Германович Залеман (1849–1916), ни для одного из троих сменившихся на посту директора АМ ученых служение ему не стало главным делом жизни. С мая 1881 по март 1882 г. директором был выдающийся арабист Виктор Романович Розен (1849–1908), с мая 1882 по январь 1885 г. — специалист по финно-угорским языкам Фердинанд Иванович Видеман (1805–1887), в 1885–1890 гг. должность директора исполнял основатель российской школы тюркской филологии Василий Васильевич Радлов (1837–1918).

При К.Г. Залемане (1850–1916) Музей превратился в одно из крупнейших в мире хранилищ памятников рукописной культуры и стал основным центром русского востоковедения, которое к началу XX в. объединилось вокруг его коллекций²⁶. Значительно расширились и связи АМ с зарубежными библиотеками и издателями.

Рубеж XIX–XX вв. был важным этапом в формировании отечественного востоковедения как научной дисциплины. Именно в эту пору оно сложилось как комплекс гуманитарных наук — истории, литературоведения, лингвистики, философии, этнологии, — изучающих определенные регионы Востока. К.Г. Залеман неоднократно говорил и писал о новых задачах востоковедения, отмечая его возросшую роль в укреплении российской государственности: «...востоковедению у нас уже нельзя отвести место более или менее отвлеченной науки. Оно приобрело значение немаловажного фактора в государственной жизни. <...> У нас возросло и возрастает число людей, с научной или практической целью занимающихся изучением Востока, а для [Азиатского] Музея, назначенного снабжать исследователей научным материалом, отовсюду возникают новые задачи и требования»²⁷.

Стремление расширить деятельность АМ, вывести ее на новый уровень в соответствии с требованиями времени руководило К.Г. Залеманом, предпринимавшим активные меры по реорганизации основного востоковедного центра страны. С 1860-х годов в России активно обсуждались вопросы о реформе системы науки и расширении деятельности Академии наук. Внутреннее устройство и взаимоотношения исследовательских учреждений нашей страны, сложившихся в основном в первой половине XIX в., к концу столетия не удовлетворяли новым потребностям науки, и было очевидно, что

²⁶ Азиатский музей — ЛО ИВ АН. С. 345.

²⁷ СПбФ АРАН. Ф. 87. Оп. 2. Ед. хр. 387. Л. 2.

уровень организации науки не соответствует уровню развития научной мысли. Когда в 1890 г. «августейший президент» Академии наук великий князь Константин Константинович направил всем членам Академии ее устав, действовавший с 1836 г., с просьбой высказать соображения по его изменению, записки подали и востоковеды В.В. Радлов, В.П. Васильев и К.Г. Залеман²⁸. Впоследствии К.Г. Залеман в течение нескольких лет добивался увеличения штата и бюджета АМ, что долго не давало ощутимого результата. При этом руководство Академии, понимавшее значение изучения Востока²⁹, с одобрением воспринимало и утверждало выборы в академики востоковедов В.В. Радлова (1884), В.П. Васильева (1886), В.Р. Розена (1890), К.Г. Залемана (1895), С.Ф. Ольденбурга (1900), П.К. Коковцова (1903), Н.Я. Марра (1909).

К.Г. Залеман внес существенные изменения в организацию и структуру АМ, выделив в отдельное хранение ряд фондов, в частности китайские, маньчжурские, монгольские и тибетские рукописи и книги³⁰. Он активно добивался введения новых штатов Академии, что имело следствием рост финансирования АМ и увеличение числа его сотрудников. С 1883 г. единственным ученым хранителем Музея был египтолог, коптолог О.Э. Лемм. 12 октября 1912 г. на должность старшего ученого хранителя был избран иранист Ф.А. Розенберг, который более 10 лет до этого числился «сверхштатным помощником ученого хранителя»³¹. По инициативе К.Г. Залемана для обработки коллекций стали привлекаться высокомотивированные исследователи, готовые трудиться на внештатной основе. В 1903 г. в Музее появился молодой ученый-индолог Н.Д. Мионов³². 3 октября 1912 г. вышло постановление ИФО АН о «временных занятиях» в АМ приват-доцента Петербургского университета В.М. Алексева³³, который позже, в 1913 г., был зачислен в Музей

²⁸ Азиатский музей — ЛО ИВ АН. С. 26.

²⁹ Подробнее см.: Мясников В.С. Президент Петербургской Академии наук К.К. Романов и Восток // Мясников В.С. Кастальский ключ китаеведа. Сочинения. В 7 т. Т. 4. Квадратура китайского круга. М.: Наука, 2014. С. 337–342.

³⁰ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 3.

³¹ Азиатский музей — ЛО ИВ АН. С. 27, примеч. 108.

³² Островская Е.П. Вклад Н.Д. Мионова в изучение буддийской коллекции собрания индийских рукописей Азиатского музея // ППВ. 2015. № 1 (22). С. 153–154. Осенью 1903 г. Н.Д. Мионов был причислен к Министерству народного просвещения и откомандирован в АМ для составления полного каталога индийских рукописей (Танонова Е.В. Востоковед Н.Д. Мионов: необычная судьба обычного человека // ППВ. 2015. № 2 (23). С. 134–135).

³³ Куликова А.М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. — 1917 г.). СПб.: ПВ, 1994 (Orientalia). С. 109.

младшим ученым хранителем. Для описания коллекции Л.Ф. Фридлянда был приглашен библиограф С.Е. Винер, назначенный 10 сентября 1914 г. «и.о. заведующего отдела еврейских книг и рукописей» АМ³⁴. 3 декабря 1914 г. по постановлению ИФО на должность младшего ученого хранителя «для заведования отделом армяно-грузинской филологии» АМ был назначен А.А. Лорис-Калантар (Калантарян). В 1915 г. для заведования отделом «Средняя Азия» младшим ученым хранителем АМ был принят Б.Я. Владимирцов³⁵. 1 января 1915 г. сверхштатным сотрудником Музея стал В.А. Иванов³⁶. Сам К.Г. Залеман во время, свободное от административных обязанностей, занимался описанием мусульманских рукописей.

Важный этап пополнения фондов АМ в конце XIX — начале XX в. был связан с экспедициями в Центральную Азию. Благодаря полученным материалам в России возникли уникальные направления науки — дуньхуановедение, тангутика, уйгуроведение, тюркская руническая эпиграфика, — которые представлены в нашей стране только Санкт-Петербургской классической школой востоковедения.

Путешественники, участники экспедиций Н.М. Пржевальского (1839–1888), М.В. Певцова (1843–1902), Г.Н. Потанина (1835–1920), В.И. Роборовского (1856–1910) с конца 1870-х годов изучают древности региона, проводят археологические раскопки и приобретают у населения рукописи и предметы обихода. В 1897 г. от В.И. Роборовского и П.К. Козлова (1863–1935) в РГО, а затем в АМ поступают обрывки китайских, уйгурских, санскритских и двуязычных (уйгурско-санскритских) рукописей из Восточного Туркестана. Эти рукописные фрагменты были разобраны А.О. Ивановским и С.Ф. Ольденбургом, а затем в декабре 1897 г. изучены В.В. Радловым, который указал на наличие двух ранних групп текстов — деловых записей, выполненных курсивом, и буддийских сутр в каллиграфическом исполнении. Открытие этих рукописей побудило В.В. Радлова совместно с В.Р. Розеном и К.Г. Залеманом ходатайствовать перед Академией о снаряжении специальной экспедиции «для обследования главным образом Туюк-мазара и Идикутшари, а по возможности и древностей других мест Турфанского края»³⁷.

³⁴ Куликова А.М. Востоковедение в российских законодательных актах. С. 110.

³⁵ Там же.

³⁶ Иванов В.А. Воспоминания о Востоке. 1918–1968 / Подг. к публ., предисл. и коммент. Б.В. Норика. СПб.: Контраст, 2015. С. 35, примеч. 144.

³⁷ Ольденбург С.Ф. Экспедиция Д.А. Клеменца в Турфан в 1898 году // Известия Восточно-Сибирского филиала ИРГО. Иркутск, 1917. Т. 45. С. 219–220.

В 1898 г. Восточно-Сибирским отделом РГО в Турфан была направлена экспедиция под началом Дмитрия Александровича Клеменца (1848–1914), которая вызвала сенсацию в мировой науке. Одним из важнейших результатов этой экспедиции стало открытие эпиграфических и рукописных текстов. Начало исследованию памятников древнеуйгурской коллекции АМ было положено В.В. Радловым³⁸.

В 1891 г. консул в Кашгаре Николай Федорович Петровский (1837–1908) прислал РАН свои первые находки центральноазиатских материалов³⁹. Впоследствии и от других консулов в Восточном Туркестане (Н.Н. Кроткова, А.А. Дьякова, С.А. Колоколова) начинают систематически поступать собранные ими рукописи. Благодаря в первую очередь приобретениям дипломатов в Центральной Азии были открыты такие мертвые языки, как хотанско-сакский и тохарские А и Б. «Кашгарская рукопись Н.Ф. Петровского», исследованная Сергеем Федоровичем Ольденбургом (1863–1934)⁴⁰, положила начало центральноазиатскому фонду АМ (*Serindica*), который насчитывает сейчас более 6 тыс. ед. хр. на уйгурском, тохарском, сакском, согдийском и других языках и является одним из наиболее крупных в мире. В 1912 г. в Турфане А.А. Дьяковым была приобретена и передана в АМ уникальная рукопись на уйгурском языке — «Хуастуанифт», покаянная молитва манихеев.

Преобразование Азиатского Музея к концу XIX в. в крупнейший центр собирания и хранения письменных памятников народов Востока было важнейшим результатом работы российских востоковедов и стало одним из факторов, которые позволили академику В.В. Бартольду утверждать, что «в XIX веке изучение Востока сделало в России, может быть, еще более значительные успехи, чем в Западной Европе». Он же отмечал, что с самого начала XIX в. в Российской Академии наук было отведено более значительное место, чем ранее, гуманитарным наукам, в том числе и востоковедению⁴¹. Собирательская деятельность осуществлялась российскими востоковедами и путешественниками с глубоким сознанием важности совершенной ими работы и искренним уважением к культур-

³⁸ *Radloff W.* Altuigurische Sprachproben aus Turfan // Nachrichten über die von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete expedition nach Turfan. Heft I. St. Pétersbourg, 1899. S. 55–83.

³⁹ *Дмитриева Л.В.* Древнеуйгурские материалы (уйгурским письмом) в Институте востоковедения АН СССР // Страны и народы Востока. Вып. III. М., 1969. С. 223.

⁴⁰ *Ольденбург С.Ф.* Кашгарская рукопись Н.Ф. Петровского // ЗВОРАО. Т. VII (1892). 1893. С. 81–82.

⁴¹ *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. IX. М., 1977. С. 418.

ному наследию народов Востока. В результате все более расширялся географический, историко-культурный и языковой диапазон коллекции, которая в первые десятилетия XX в. пополнилась многими рукописями, представлявшими собой культурное наследие народов Ближнего Востока, Средней и Центральной Азии.

В 1903 г. был создан Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях (РКСВА). Вплоть до 1918 г. РКСВА регулярно направлял в АМ рукописи из экспедиций в обширный регион Центральной Азии. Сам Музей иногда выделял исследователям, командированным РКСВА, средства на пополнение коллекций⁴². В 1903 г. Комитетом в Восточную Монголию был направлен для изучения монгольских наречий А.Д. Руднев (1878–1958); в 1917 г. в АМ от него поступило 300 рукописей на монгольском, калмыцком и других языках⁴³. В 1905–1907 гг. Кучу посетила экспедиция М.М. Березовского (1848–1912), исследовавшая Субаши, Долдур-Охур, Таджит, Кумтуру, Кучу, Кызыл, Кириш. Березовский снимал акварельные копии и кальки с росписей, сделал множество планов и фотографий, а также доставил в Россию 1876 фрагментов рукописей на санскрите, тохарском Б, уйгурском, китайском и хотанско-сакском языках. В 1905–1907 гг. при деятельном участии РКСВА была организована и осуществлена командировка Б.Б. Барадийна (1878–1939) в Лавран, давшая ценный исследовательский материал и обогатившая собрание тибетской литературы Музея «тщательно и умело составленной коллекцией тибетских ксилографов, изданных в Амдо»⁴⁴. В 1908 г. через РКСВА в Музей поступили рукописи и литографированные издания из Бухары, Самарканда и Ташкента, привезенные из Туркестана А.Н. Самойловичем. Среди доставленных им рукописей были сборники стихотворений хивинских поэтов, а также «История царствования отца нынешнего хивинского хана». В 1913 г. из РКСВА была получена привезенная С.Е. Маловым из пров. Ганьсу (Китай) в 1910 г. уйгурская рукопись «Сутры золотого блеска» («Алтун яруг»).

Изучение археологических памятников Восточного Туркестана было также целью Русских Туркестанских экспедиций (РТЭ) С.Ф. Ольденбурга 1909–1910 и 1914–1915 гг. Вторая РТЭ, работав-

⁴² Отчет о деятельности Азиатского музея Имп. АН за 1917 год (Отд. отг.). Пг., 1918. С. 5–6.

⁴³ Там же. С. 4.

⁴⁴ *Востриков А.И.* С.Ф. Ольденбург и изучение Тибета // Записки Института востоковедения АН СССР. Вып. IV. М.; Л., 1935. С. 76.

шая в «Пещерах тысячи будд» (Цяньфодун) около г. Дуньхуана (пров. Ганьсу, Китай), доставила в Россию часть знаменитой библиотеки из пещерного храма Могаоку.

Вторая РТЭ работала в Дуньхуане с 18 августа 1914 по 28 января 1915 г.⁴⁵. Коллекция китайских рукописей и фрагментов VI–X вв., доставленная в Санкт-Петербург из Дуньхуана, насчитывает около 20 тыс. ед. хр., включая мельчайшие фрагменты. Самая ранняя рукопись датирована 516 г., самая поздняя — 1002 г. 103 пакета рукописей из Дуньхуана были приняты в АМ 1 сентября 1915 г. В.М. Алексеевым⁴⁶. Большую часть дуньхуанской коллекции ИВР РАН составляют тексты буддийского содержания, при этом в нее входит множество фрагментов официальных, экономических и библиотечных документов.

Выдающиеся результаты принесла экспедиция 1907–1909 гг. под руководством П.К. Козлова, открывшего в пустыне Гоби остатки мертвого тангутского города Хара-Хото. В настоящее время тангутская коллекция ИВР РАН насчитывает более 8 тыс. ед. хр. и является крупнейшей в мире. В начале XX в. к первоначальному разбору и изучению тангутских рукописей и ксилографов приступили профессор Петербургского университета А.И. Иванов (1878–1937) и В.Л. Котвич (1872–1944). Некоторые материалы экспедиций в Центральную Азию, поступившие в АМ, были представлены на Первой Буддийской выставке в Петрограде, которая была организована в Русском музее в 1919 г., в разгар гражданской войны.

В октябре 1913 г. В.М. Алексеев передал в АМ 395 эстампажей (оттисков, снятых с надписей на камне) текстов конфуцианских классических сочинений, выбитых на каменных стелах в древней столице Китая городе Чанъань (ныне — Сиань). Это поступление и последующие дары от В.М. Алексеева стали ядром коллекции эстампажей АМ — ИВР РАН.

С начала XX в. важным источником пополнения фондов АМ становятся специальные археографические экспедиции. В 1914 г. по предложению В.В. Бартольда (1869–1930) в Туркестанский край «для отыскания и приобретения мусульманских рукописей» был командирован А.З. Валидов (1890–1970), доставивший в АМ 21 рукопись⁴⁷.

⁴⁵ Подробнее см.: *Попова И.Ф.* Вторая Русская Туркестанская экспедиция С.Ф. Ольденбурга (1909–1910) // Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX — начале XX века / Под ред. И.Ф. Поповой. СПб.: Славия, 2008. С. 158–175.

⁴⁶ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Ед. хр. 188. Л. 67.

⁴⁷ Отчет о деятельности Азиатского музея Имп. АН за 1914 год (Отд. отт.). Пг., 1915. С. 2.

Замечательные результаты принесла экспедиция 1915 г. в Бухару В.А. Иванова (1886–1970), который собрал для АМ 1057 персидских рукописей⁴⁸. Вторичная его поездка состоялась в 1916 г., когда было приобретено еще 68 рукописей. Состав рукописей «Бухарской коллекции Иванова» по месту происхождения и датировке был весьма разнообразен, тематически в ней были представлены комментарии на Коран, сочинения религиозного и учебного содержания, научные и философские трактаты, произведения восточной поэзии и художественной прозы; наиболее ранние рукописи относились к началу VI в. Благодаря поездке Н.Я. Марра (1864–1934) в Ванскую область летом 1916 г. в АМ была доставлена коллекция армянских и мусульманских рукописей⁴⁹.

7 декабря 1916 г. на заседании Отделения исторических наук и филологии АН преемником скончавшегося 30 ноября К.Г. Залемана был избран С.Ф. Ольденбург. Годы его директорства, главным образом 1917–1925 гг., стали периодом особого расцвета АМ⁵⁰. В это время были значительно увеличены штаты АМ, расширились его деятельность и связи с зарубежными научными центрами, активизировалась инвентаризация фондов. В конце 1916 г. для каталогизации арабских рукописей в АМ был приглашен И.Ю. Крачковский, а в 1917 г. для разбора монгольских коллекций — Б.Я. Владимирцов (1884–1931). Будущие академики, проходившие школу АМ, поставили задачу преобразования «антикварных» фондов Музея в исследовательские.

Опытные хранители, привлекая в Музей научную молодежь, понимали, что она могла только здесь получить нужные специальные знания, необходимые для работы с обширными рукописными, архивными и книжными фондами. По словам И.Ю. Крачковского, тогдашний главный хранитель Азиатского Музея Ф.А. Розенберг учредил в Музее свою «совершенно своеобразную кафедру»⁵¹, и эта работа по обеспечению преемственности с той поры стала еще одной важной традицией Музея. Тогда же оформился особый стиль личных взаимоотношений Санкт-петербургских востоковедов, который складывался вокруг АМ с момента его основания. В сообществе единомышленников в науке, коллег, учителей и учеников большое

⁴⁸ Отчет о деятельности Азиатского музея Имп. АН за 1915 год (Отд. отг.). Пг., 1916. С. 2.

⁴⁹ Отчет о деятельности Азиатского музея Имп. АН за 1916 год (Отд. отг.). Пг., 1917. С. 1.

⁵⁰ Крачковский И.Ю. Над арабскими рукописями. Листки воспоминаний о книгах и людях. 3-е изд. М.; Л., 1948. С. 73.

⁵¹ Крачковский И.Ю. Избр. соч. Т. 5. С. 374; Азиатский музей — ЛО ИВ АН. С. 345.

значение имела личность ученого. Общение сотрудников АМ выходило за рамки служебных отношений: их связывали дружеские встречи, домашние вечера, фольклор, традиции⁵².

В эти годы в Музее работали многие выдающиеся ученые, посвятившие свою жизнь сохранению и изучению бесценных коллекций. В их числе были Е.Э. Бертельс и Ю.Н. Марр. Вспоминая о работе по размещению и инвентаризации рукописных фондов, Е.Э. Бертельс писал впоследствии: «Для нас обоих это был один из самых блаженных моментов жизни. Все бесконечные богатства этих замечательных коллекций сразу разверзлись перед нами. И каждый день, проведенный за разборкой рукописей и установкой их по старым местам, приносит новые открытия и новые радости»⁵³.

Замечательные традиции Азиатского Музея Академии наук, не утерянные и поныне, зародились в XIX веке, который был особенным временем в российской науке и культуре. Об этом написано немало. Если сказать коротко, то достаточно, пожалуй, одной фразы: это было столетие рождения тех ценностей, которые создали особый образ культуры России, какой ее любили и до сих пор ценят в мире. И вряд ли есть какая-то отрасль науки или область культуры, которая хотя бы частично не сохранила эти традиции вплоть до наших дней, хотя зачастую это происходило не благодаря, а вопреки историческим обстоятельствам. Российское востоковедение, научные традиции которого стали складываться в самом начале столь значительного для всей российской науки и культуры XIX века, не могло остаться в стороне от этого процесса.

Научные традиции АМ вызревали в среде первоклассных петербургских востоковедов, в том числе и преподавателей Факультета восточных языков Петербургского университета, для которых изучение рукописей было делом жизни. Начал формироваться важнейший принцип российского востоковедения, которое уже в XX в. стали именовать «классическим», — принцип основополагающего значения изучения письменных памятников в качестве главного инструмента познания исторического и культурного прошлого народов Востока. Так сложилась важнейшая традиция Азиатского Музея — признание первостепенной роли письменного текста. В сущности, именно этот тезис отстаивали в своей личной научной деятельности и директора Азиатского Музея — Х.Д. Френ, Б.А. Дорн,

⁵² Баньковская М.В. «Малая академия» в Азиатском музее // НАА. 1985. № 3. С. 139–152; Долинина А.А. Легенда Азиатского музея // Петербургское востоковедение. Вып. V. СПб., 1994. С. 485–494.

⁵³ Азиатский музей — ЛО ИВ АН. С. 354.

К.Г. Залеман, С.Ф. Ольденбург. Исключительную роль рукописной книги в исследовании истории и культуры народов Востока признавали и подтверждали своими трудами многие выдающиеся востоковеды Петербурга, десятилетиями регулярно посещавшие АМ и изучавшие его коллекции. Именно эти люди составили научное сообщество тех, кого Х.Д. Френ уже через год после создания АМ призывал посещать Музей и пользоваться его научными коллекциями.

Октябрьская революция 1917 г. вызвала неоднозначное отношение научного сообщества России: с одной стороны, существовало неприятие политических перемен, с другой — сохранялась острая потребность в исследовательской работе, понимание ее особого значения в новых условиях. В «Отчете РАН» за 1917 г., составленном С.Ф. Ольденбургом, говорилось: «...работающие в Российской Академии наук должны сказать, что, невзирая ни на что, они работали, продолжают работать и будут работать для родины и науки. Ибо если невежественные и затуманенные люди могут теперь отрицать культуру и даже почти отворачиваться от простой грамотности как ненужного стеснения, то люди науки не могут не сознавать, что без их работы немислимы просвещение и культура, а без этих последних никакое достойное человеческое существование. И сознавая это, люди науки обязаны говорить о той научной работе, которая происходит со всем возможным напряжением, несмотря ни на что»⁵⁴.

Несмотря на неблагоприятные обстоятельства, была продолжена начатая в январе 1917 г. подготовка к празднованию 100-летия Азиатского Музея. В ознаменование юбилея по предложению С.Ф. Ольденбурга сотрудники АМ приступили к составлению краткого путеводителя по фондам⁵⁵. Однако, как было сказано в Отчете АМ за 1918 г., «события не дали осуществиться этим проектам в течение отчетного года»⁵⁶. «Краткая памятка» увидела свет в 1920 г., в ней «были собраны главнейшие сведения о постепенном собирании рукописей и книг для Музея с самого начала его и вплоть до 1918 г.»⁵⁷. В 1919 г. С.Ф. Ольденбург выступил с инициативой составления иностранно-русских словарей восточных языков силами востоковедов не только Азиатского Музея, но и Петроградского университета и других учреждений. Первым рассматривается проект составления японско-европейского словаря⁵⁸. Впоследствии уже непосредствен-

⁵⁴ Отчет о деятельности РАН за 1917. Пг., 1917. С. 5.

⁵⁵ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 15.

⁵⁶ Азиатский музей — ЛО ИВ АН. С. 30.

⁵⁷ Азиатский музей РАН. 1818–1918. Краткая памятка. Пб., 1920. С. 1.

⁵⁸ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 2. Ед. хр. 47. Л. 4 об.

но перед созданием Института востоковедения были организованы группы по составлению большого китайско-русского, большого монгольско-русского словарей, хинди-русского и курдско-русского словарей.

В послереволюционный период С.Ф. Ольденбург продолжает содействовать пополнению коллекций АМ. При его непосредственном участии Академия приобретает для Музея материалы В.В. Радлова, А.А. Сталь фон Гольштейна, В.А. Косаговского, О.О. Розенберга, Б.А. Тураева. В 1920 г. в АМ поступают рукописи и миниатюры из коллекции Фаберже, весной 1921 г. — библиотека бывшего Учебного отдела МИД, позже приходят материалы И.П. Минаева. 22 октября 1924 г. на заседании ИФО (протокол № 14) С.Ф. сказал: «Имея в виду еще при жизни передать Академии могущие ее интересовать и имеющиеся у меня рукописи, книги и предметы, я приступаю к этой передаче. Мною уже передана значительная часть книг Аз[иатскому] Музею, туда же будут переданы после некоторой разборки хранящиеся у меня архив М.М. Березовского и архив Д.А. Клеменца, принадлежащий моей жене, письма ко мне русских и иностранных ученых и другие материалы и книги»⁵⁹.

В тяжелых условиях голода и разрухи 17 января 1918 г. на заседании ИФО РАН (протокол № 1) С.Ф. Ольденбург поднял вопрос о необходимости ускорения работы по составлению описей рукописных и книжных фондов АМ и постепенного их издания. В связи с этим он просил Отделение с января по май включительно выдавать каждому ученому сотруднику Музея 100 рублей в месяц за сверхурочные работы по каталогизации⁶⁰.

Поступление в АМ рукописных коллекций российских экспедиций в Центральную Азию значительно усложнило хранение и поставило перед Музеем новые задачи по их обработке и введению в научный оборот. С.Ф. Ольденбург, всегда активно поддерживавший К.Г. Залемана в его начинаниях, продолжил деятельность по реформированию АМ после своего избрания директором. Значительно активизировалась и работа с фондами. После смерти О.Э. Лемма на должности хранителя его заменил П.В. Ернштедт, появился молодой кавказовед А.Н. Генко. 29 мая 1918 г. С.Ф. Ольденбург просил ИФО прикомандировать к Азиатскому Музею А.Н. Самойловича для обработки турецких и уйгурских рукописей⁶¹. 2 октября того же года С.Ф. пригласил для обработки маньчжурских материалов

⁵⁹ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 2. Ед. хр. 47. Л. 65 об.

⁶⁰ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 2. Ед. хр. 47. Л. 55.

⁶¹ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 2. Ед. хр. 47. Л. 61 об.

Н.Н. Кроткова⁶². В 1918 г. по инициативе С.Ф. Ольденбурга сотрудником была зачислена первая женщина, египтолог Н.М. Дьяконова (впоследствии — Алексеева). В 1920 г. на должности научных сотрудников 3-го разряда были приглашены Ю.К. Щуцкий и Е.Э. Бертельс.

С 1918 г. структура АМ приобрела следующий вид:

I отделение. Книги на европейских языках (заведующий Ф.А. Розенберг), состоявшее из отдела книг и отдела периодических изданий.

II отделение. Азиатский архив (заведующий — директор АМ).

III отделение. Восточные рукописи и книги, печатанные на Востоке (заведующий — Ф.А. Розенберг). В отделение входило шесть отделов: 1) мусульманский мир; 2) Дальний Восток; 3) Средняя Азия, доисламские турки, Индия, Индокитай, сибирские народности; 4) семиты; 5) Кавказ и Христианский Восток; 6) Иран до ислама.

IV отделение. Нумизматика, эпиграфика и археология (заведующий — директор АМ)⁶³.

Рукописные и книжные фонды АМ продолжали неуклонно пополняться. В 1919 г. из Зимнего дворца поступили арабские рукописи из собрания антиохийского патриарха Григория IV, в 1920 г. — рукописи и миниатюры из коллекции Фаберже, переданные А.Н. Самойловичем.

Благодаря деятельной внешней политике С.Ф. Ольденбурга значительно усилились позиции АМ в Академии наук и расширилась его научная тематика. В мае 1921 г. при Музее создается координирующий востоковедный орган — Коллегия востоковедов, «объединение лиц, научно-работающих в области востоковедения в СССР»⁶⁴. За время своего существования Коллегия издала 5 томов «Записок Коллегии востоковедов».

В 1925 г. начался переезд АМ в новое здание Библиотеки АН (Биржевая линия, д. 1). Он занял почти два года и завершился к 1927 г. Общая площадь АМ расширилась в четыре раза (в 1924 г. — 600 кв.м, в 1927 г. — 2645 кв.м). В 1917 г. штат Музея состоял из шести научных сотрудников и двух технических, а к 1927 г. он расширился до 19 научных сотрудников, четырех технических и двух практикантов⁶⁵.

⁶² СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 2. Ед. хр. 47. Л. 65 об.

⁶³ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1. Ед. хр. 107. Л. 2, 3; Справочные сведения 1929. С. 19.

⁶⁴ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1. Ед. хр. 107. Л. 4 об.

⁶⁵ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1. Ед. хр. 107. Л. 4 об.

К 200-летию юбилею Академии наук в АМ была устроена временная выставка восточной (китайской, индийской и центрально-азиатской) письменности и мусульманской миниатюры, которая сразу же превратилась в постоянную и «посещалась многочисленными экскурсиями и отдельными лицами»⁶⁶. В 1920-е годы происходит расцвет научно-просветительской деятельности Музея: его сотрудники читают публичные лекции, участвуют в подготовке научно-популярных изданий и выставок, организуемых другими учреждениями. Осенью 1925 г. в Баку из АМ были направлены комплекты тюркских газет и журналов для участия в выставке тюркской печати. В октябре 1929 г. АМ предоставил материалы для выставки «Новая письменность народов СССР», организованной Коммунистической Академией к годовщине Октябрьской революции⁶⁷.

В 1920-х годах АМ стал превращаться в востоковедный центр широкого профиля. Сведения о научной специализации АМ были приведены в «Исторической справке об Азиатском музее и кратком обзоре его деятельности с 1917 по 1927 г.»: «Азиатский музей в настоящее время представляет, скорее, библиотеку, чем музей, и кроме камней и нескольких других предметов с надписями, а также восточных монет содержит главным образом книги и рукописи, относящиеся к Востоку в самом широком значении этого слова. Поставив себе задачей собирание всей литературы, печатной, рукописной и эпиграфической, по научному востоковедению вообще и на восточных языках в частности, Азиатский музей стал с течением времени одним из богатейших в мире собраний памятников восточной письменности и самой обширной в Союзе ССР библиотекой европейских научных трудов по востоковедению. Обладая значительным штатом высококвалифицированных сотрудников-специалистов, из которых три члена-корреспондента Академии наук, Азиатский музей не только собирает и инвентаризирует свои коллекции, но и изучает и исследует их, являясь, таким образом, не только хранилищем, но и научно-исследовательским институтом, крупным центром, привлекающим к себе всех научно-работающих в области востоковедения, школой для начинающих ученых, специализирующихся в работе над восточной книгой и рукописью»⁶⁸.

В 1920–1930-е годы, в период реорганизации научной и музейной деятельности в стране, государство часто вмешивалось в дела

⁶⁶ [Отчет о деятельности Азиатского музея за 1928 г.] Отд. оттиск. [Б.г., б.м.]. С. 195.

⁶⁷ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1. Ед. хр. 162. Л. 1–9, 13.

⁶⁸ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1. Ед. хр. 107. Л. 2.

хранения: нумизматические коллекции АМ были переданы в Государственный Эрмитаж; во вновь созданный Музей истории религии и атеизма переданы два листа «Муракки» (Е-14), более 500 уникальных грузинских рукописей отправлены в Грузию.

В 1929 г. была принята «Декларация о задачах востоковедной науки», в которой подчеркивалась необходимость всестороннего и глубокого изучения стран Востока в новой политической обстановке. Для этого предлагалось создать научно-исследовательский Институт востоковедения для подготовки новых научных кадров востоковедов-марксистов, которые «получат полную возможность использования такого богатого хранилища подлинных документальных материалов, которым является нынешний Азиатский музей»⁶⁹. На выборах 1929 г. действительными членами Академии наук СССР были избраны китаевед В.М. Алексеев, монголовед Б.Я. Владимирцов, кавказовед И.А. Орбели (1887–1961), историк Древнего Востока В.В. Струве (1889–1965).

В 1930 г. вместе с Коллегией востоковедов и созданными в 1927 г. Институтом для изучения буддийской культуры и Туркологическим кабинетом АМ со всеми своими фондами и специалистами вошел в состав вновь учрежденного Института востоковедения. После реорганизации штат нового учреждения составил 42 сотрудника и кроме них еще включал восемь академиков и 15 аспирантов, «оплачиваемых по особым штатам и ведомостям»⁷⁰. Должность директора была сохранена за С.Ф. Ольденбургом, ученым секретарем назначен тюрколог-марксист Н.Г. Таланов. Структура Института востоковедения состояла из двух секторов — историко-экономического (рук. С.Ф. Ольденбург) и литературоведческого (рук. А.Н. Самойлович), а также фундаментальной библиотеки бывшего Азиатского Музея. Для проведения страноведческих исследований была создана система кабинетов. Их на момент создания Института было девять: Китайский кабинет (зав. В.М. Алексеев), Японо-корейский (зав. Н.И. Конрад), Монгольский (зав. Б.Я. Владимирцов), Индо-тибетский (зав. Н.Н. Поппе), Иранский (зав. С.Ф. Ольденбург), Туркологический (зав. А.Н. Самойлович), Кавказский (зав. Н.Я. Марр), Арабский (зав. И.Ю. Крачковский), Европейско-сирийский (зав. М.Н. Соколов, П.К. Коковцов). В штатном расписании Института значилось восемь должностей ученых хранителей: П.И. Воробьев, А.А. Мухарджи, Ф.А. Розенберг, Е.Э. Бертельс, А.И. Востриков, А.Н. Генко, Н.Н. Поппе, Ю.К. Щуцкий. Кроме того, было восемь

⁶⁹ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1. Ед. хр. 140. Л. 7–8.

⁷⁰ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 2. Ед. хр. 130. Л. 7.

научных сотрудников 1-го разряда: Б.А. Васильев, К.Д. Дондуа, А.А. Драгунов, П.В. Ернштедт, С.А. Козин, Н.А. Невский, П.Е. Скачков, К.К. Юдахин; семь научных сотрудников 2-го разряда: Н.М. Алексеева, Н.В. Белолипская-Поппе, В.Л. Дашевский, К.Д. Ильина, Б.А. Казакович, Б.В. Семичов, К.К. Флуг; пять научно-технических сотрудников: А.Г. Башигнджангян, Е.П. Козеровская, Н.Н. Кроткова, О.И. Шацкая-Иванова, Е.А. Фолькман; два технических сотрудника: Д.А. Брядов и Е.Д. Зюзин, а также два служителя и две уборщицы⁷¹.

Задачами вновь образованного Института стало прежде всего обоснование политики Советского Союза на Востоке, а также составление иностранно-русских словарей на восточных языках и грамматик языков, в первую очередь Советской Средней Азии. Наряду с выполнением новых актуальных задач Институт должен был продолжать обработку «богатейших материалов, сосредоточенных в Академии наук», а также инвентаризацию, каталогизацию и систематизацию книжных и рукописных фондов АМ⁷².

Ленинградский Институт востоковедения развернул большую работу по оказанию научно-методической помощи республикам Советского Востока и Монгольской Народной Республике. Работавшие в ИВ АН востоковеды вносили свою лепту в продвижение новой идеологии в исследованиях традиционного общества на Востоке, активно участвовали в комиссиях по латинизации восточных письменностей, подготовили ряд важных трудов по истории народов Средней Азии. Для целого ряда восточных языков, в том числе для тюркских, были созданы новые письменности на основе латинского алфавита. Активную роль в этом деле сыграл А.Н. Самойлович, в 1934–1937 гг. занимавший пост директора ИВ АН. Была начата работа по составлению новых словарей, завершившаяся лишь после Великой Отечественной войны с опубликованием Японско-русского словаря (1970), Большого китайско-русского словаря (1983–1984), Большого академического монгольско-русского словаря (2001) и др.

В 1930-е годы все крупные востоковедные проекты в Ленинграде осуществлялись на базе Института востоковедения. В ту пору широкое развитие получила система временных научных коллективов, которая позже была почти забыта и в 1990-е годы вернулась к нам с Запада. Для создания фундаментальных научных трудов в Институт на временную работу и по договорам привлекались сотрудники университета, Эрмитажа и Кунсткамеры.

⁷¹ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 2. Ед. хр. 130. Л. 8–10.

⁷² АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1. Ед. хр. 140. Л. 50.

В 1932 г. были учреждены три серии научных публикаций Института востоковедения («Записки», «Труды» и «Библиография Востока»). В 1936 г. в Институте востоковедения была начата подготовка полного издания труда историка XIV в. Рашид-ад-дина «Сборник летописей» («Джами' ат-таварих»). В 1936–1938 гг. Л.И. Думан (1907–1979), В.Н. Кривцов (1914–1979) и З.И. Горбачева (1907–1979) начали готовить к печати выполненный Н.Я. Бичуриним (1777–1853) перевод китайского исторического свода «Основы Зеркала всеобщего, управлению помогающее» («Цзы чжи тун цзянь ган му»).

К середине 1930-х годов относятся последние крупные поступления рукописей в ИВ. В 1935 г. из Дальневосточного филиала АН было передано 138 китайских рукописей, в том числе уникальное иллюстрированное издание новелл Пу Сунлина «Ляо Чжай чжи и», два тома знаменитой минской энциклопедии «Юн-лэ да дянь» и рукописное издание 1776 г. танского трактата «Основы управления периода Чжэнь-гуань» («Чжэнь-гуань чжэн яо»). Эти рукописи изначально находились в Пекине в академии Ханьлинь и были доставлены во Владивосток в 1901 г. В апреле 1958 г. решением Правительства СССР «Ляо Чжай чжи и» и «Юн-лэ да дянь» были переданы Китайской Народной Республике. В 1936 г. в ИВ поступило собрание из 89 документов на согдийском, арабском и китайском языках. Эти рукописи, относящиеся к VIII в., были обнаружены в 1932–1933 гг. на горе Муг в Таджикистане и впервые опубликованы в 1934 г. под редакцией И.Ю. Крачковского и А.А. Фреймана (1879–1968)⁷³.

О преобразовании Азиатского Музея в Институт востоковедения АН в 1930 г. сказано и написано много. Первоначальная ориентация нового научного учреждения почти исключительно на изучение проблем современного Востока едва не привела к утрате традиций АМ. В 1930–1940-е годы внимание к изучению исторического и культурного прошлого Востока было резко ослаблено, соответственно, и снизилось внимание к проблемам восточной текстологии. И все же группе энтузиастов, в числе которых были И.Ю. Крачковский, И.А. Орбели, В.М. Алексеев, Н.И. Конрад, Е.Э. Бертельс, Ю.Н. Марр, а также их ученики и ближайшие коллеги, удалось сохранить довольно тонкую нить, связывавшую Азиатский Музей с современным им отечественным востоковедением. Люди старой

⁷³ Согдийский сборник: Сборник статей о памятниках согдийского языка и культуры, найденных на горе Муг в Таджикской ССР. Л., 1934.

русской культуры, носители и ценители традиции, они сами своим существованием не позволяли угаснуть тому культурному очагу, которому были стольким обязаны.

В 1930-е годы к работе по разбору дуньхуанского фонда приступил Константин Константинович Флуг (1893–1942), который составил описание 307 наиболее крупных рукописей. Результатом его труда стали также статьи о составе буддийской и небуддийской частей фонда⁷⁴. Благодаря усилиям Николая Александровича Невского (1892–1937) самостоятельной отраслью отечественного востоковедения стало тангутоведение. За фундаментальный труд «Тангутская филология» в 1962 г. Н.А. Невский был посмертно удостоен Ленинской премии. На основании сделанных им открытий были отождествлены многие тангутские сочинения, в том числе переводы с китайского.

Репрессии 1930-х годов не обошли стороной сотрудников Института. Репрессиям подверглись И.Д. Амосин (1910–1984), Б.Б. Барадийн (1878–1937), А.И. Востриков (1904–1937), Ц.Ж. Жамцарано (1880–1942), А.Ф. Искандеров (1905–1960), Н.А. Невский, А.Н. Самойлович (1880–1938), П.Е. Скачков (1892–1964), А.Е. Снесарев (1865–1937), Ф.Б. Растопчин (1904–1938), М.И. Тубянский (1893–1943), Ю.К. Щуцкий (1897–1938) и многие другие.

Жизнь Института востоковедения в годы Великой Отечественной войны была неотделима от судьбы всего нашего народа. На 1 января 1941 г. численность сотрудников ИВ вместе с административно-хозяйственным персоналом и аспирантами составила 126 человек, а к 1 мая 1942 г. она сократилась до 27. В тяжелейшую первую блокадную зиму коллектив Института продолжал свою работу. Большое мужество проявили сотрудники библиотеки ИВ, которые в полуразрушенных домах собирали книги умерших и эвакуированных сотрудников. В июле 1942 г. было принято решение об эвакуации Института в Ташкент. В Ленинграде была оставлена группа по охране имущества ИВ, в том числе рукописных фондов и библиотеки, во главе с А.Н. Болдыревым (1909–1993)⁷⁵. 15 ноября 1943 г. была организована московская группа Института востоковедения. Первоначально в состав Группы ИВ АН в Ташкенте вошло 20 со-

⁷⁴ Флуг К.К. Краткий обзор небуддийской части китайского рукописного фонда Института востоковедения Академии наук СССР // Библиография Востока. Вып. 7. 1934. С. 87–92; Флуг К.К. Краткая опись древних буддийских рукописей на китайском языке из собрания Института востоковедения Академии наук СССР // Библиография Востока. Вып. 8–9. 1936. С. 96–115.

⁷⁵ Азиатский музей — ЛО ИВ АН. С. 57–59.

трудников Института, собранных из других пунктов эвакуации, к концу 1942 г. их количество возросло до 36. Они ознакомились с состоянием местных книгохранилищ и архивов для выяснения возможных направлений работы: часть сотрудников включились в работу над «Историей Узбекистана», другие приступили к разработке тем, связанных с историей народов Средней Азии, развитием здесь научной мысли, историей литературы и т.д. 17 мая 1945 г. сотрудники ИВ вернулись в Ленинград.

Тяжелейшие потери, которые Институт понес во время репрессий, а также в период Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда, не могли не сказаться на состоянии исследований. 9 ноября 1946 г. дирекция Института востоковедения направила в адрес Президиума АН докладную записку «О работе ИВ АН СССР», в которой в откровенной и конструктивной манере были изложены основные проблемы учреждения. Главной из них оставался недостаток кадров, причем не только для исследовательской работы, но и для обработки рукописного фонда, который представлял собой важнейшую основу изучения истории и культуры Востока⁷⁶. В результате 27 ноября 1948 г. Президиум АН СССР принял постановление по докладу президента Академии наук Сергея Ивановича Вавилова (1891–1951) «Об улучшении научной работы в области востоковедения». Отметив неудовлетворительное состояние научно-исследовательской деятельности и подготовки научных кадров по востоковедению, Президиум постановил создать единый Институт востоковедения в Москве с отделением в Ленинграде. В штат Института должны были быть переведены востоковеды из других институтов АН СССР⁷⁷.

Спустя некоторое время, 1 июля 1950 г., было принято другое постановление Президиума АН (протокол № 17, § 372). В нем было отмечено, что научная работа в области востоковедения в учреждениях АН «находится в неудовлетворительном состоянии, Институт востоковедения Академии наук и Тихоокеанский институт за последние годы не подготовили и не издали крупных научных трудов по актуальным вопросам востоковедения. Научная разработка истории, в особенности новой и новейшей истории, языка и литературы, экономики и политики стран современного Востока, а также национально-колониальных проблем в настоящее время не координируется и не направляется каким-либо научным центром». В целях

⁷⁶ Азиатский музей. С. 65.

⁷⁷ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 1049. Л. 29–32.

объединения научных кадров и обеспечения повседневного руководства Институтом Президиум АН СССР обратился к Совету Министров СССР с просьбой разрешить перевести Институт востоковедения из Ленинграда в Москву⁷⁸. Вскоре была разработана новая структура ИВ АН, в которой предусматривалась организация Сектора (первоначально его называли также музеем) восточных рукописей. При этом в постановлении Президиума АН от 2 августа 1950 г. (протокол № 23, § 421) отмечалось, что «в связи с недостатком служебных помещений в Москве... собрание восточных рукописей и фундаментальную библиотеку Института востоковедения» необходимо оставить в Ленинграде⁷⁹. Одновременно было принято решение обратиться к министру финансов СССР А.Г. Звереву с просьбой об оформлении для Сектора отдельного счета в Госбанке в Ленинграде⁸⁰.

Специальная комиссия летом 1951 г. рассмотрела положение Сектора и вынесла решение: «Рукописное собрание Института востоковедения Академии Наук СССР представляет [собой] национальное богатство Советского Союза и является одним из самых крупнейших собраний письменных памятников на восточных языках, а по некоторым фондам оно является единственным в мире»⁸¹. Был разработан план мероприятий, направленных на улучшение хранения, реставрации, технической и научной обработки фондов.

В августе 1949 г. было вынесено решение о перемещении Института востоковедения из здания Библиотеки АН в Ново-Михайловский дворец по Дворцовой набережной, д. 18⁸². После переезда, в начале 1950-х годов, Сектор восточных рукописей предполагал наряду с исследовательской деятельностью продолжить выставочную работу и разместить в больших парадных залах экспозицию, направленную на «широкую и серьезную научную популяризацию сокровищ Института востоковедения как в виде постоянной экспозиции, так и в виде сменных временных выставок»⁸³. Планы эти не были широко воплощены в жизнь, но была устроена небольшая экспозиция памятников рукописной культуры в помещении хранилища.

Перевод Института востоковедения из Ленинграда в Москву привел к тому, что ленинградское академическое востоковедение

⁷⁸ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 1049. Л. 50–51.

⁷⁹ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1. Ед. хр. 1049. Л. 58.

⁸⁰ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1. Ед. хр. 1049. Л. 57–58.

⁸¹ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1. Ед. хр. 1099. Л. 7.

⁸² АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1. Ед. хр. 998. Л. 74.

⁸³ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1. Ед. хр. 1099. Л. 14.

оказалось ограниченным небольшим Сектором восточных рукописей, в ведении которого оказались неисчислимы рукописные богатства. Сектор обеспечивал первоначально главным образом хранительские функции. Однако необходимо отметить, что работавшие в Секторе сотрудники — А.Н. Кононов и Н.В. Пигулевская, В.И. Беляев и В.С. Воробьев-Десятовский, И.П. Петрушевский, Н.Д. Миклухо-Маклай и многие другие — еще помнили другие времена и служили живым напоминанием о высокой культуре старого дореволюционного востоковедения. В профессиональном плане они сумели сохранить преемственность в деле исследования восточных текстов, которым всегда было сильно петербургское востоковедение.

После переезда большей части сотрудников в Москву в ленинградском Секторе восточных рукописей на конец 1950 г. числилось 27 научных сотрудников, а также 16 научно-технических и библиотечных работников. Временно исполняющим обязанности заведующего Сектором был назначен Дмитрий Иванович Тихонов (1906–1979).

Основой для востоковедных исследований в Ленинграде должны были оставаться уникальные фонды, собранные десятилетиями плодотворной деятельности академического востоковедения, — рукописная коллекция, библиотека и Архив востоковедов. Наличие этих трех хранилищ определило главные направления научно-исследовательской работы Сектора. В плане на 1951 г. предусматривались главным образом научные описания и инвентаризация рукописей, описания материалов архива, издание источников, переведенных с восточных языков.

Перестройка работы Института востоковедения заняла несколько лет. Несмотря на то что в начале 1950-х годов Институт провел работу по пересмотру структуры, укомплектованию кадрами и расширению тематики исследований, было очевидно, что деятельность небольшого коллектива не отвечает тем глобальным задачам, которые перед ним ставило руководство и государства, и Академии наук.

Перевод Института в Москву не сразу привел к ожидаемым результатам. 16 февраля 1956 г. на XX съезде КПСС выступил А.И. Микоян. В его речи суровой критике была подвергнута работа АН и, в частности, было указано: «Есть в системе Академии наук еще институт, занимающийся вопросами Востока, но про него можно сказать, что если весь Восток в наше время пробудился, то этот институт дремлет и по сей день. Не пора ли ему подняться до уровня требований нашего времени?»⁸⁴.

⁸⁴ XX съезд КПСС. 14–25 февраля 1956 г. Стенографический отчет. Т. I. М., 1956. С. 324.

Президиум АН сразу же принял меры, направленные на изменение содержания работы Института. 16 июля 1956 г. директором ИВ АН был назначен Бободжан Гафурович Гафуров (1908–1977), ранее занимавший пост первого секретаря ЦК КП Таджикистана. 7 сентября 1956 г. было принято постановление Президиума АН СССР № 485 «О задачах и структуре ИВ АН СССР», в котором Институту предписывалось больше внимания уделять изучению актуальных вопросов современности, национально-освободительного движения и ввести структуру, которая должна была отвечать «задачам глубокого комплексного исследования современного Востока»⁸⁵. Постановление предусматривало создание при Институте Издательства восточной литературы (ИВЛ) и преобразование Сектора восточных рукописей в Ленинградское отделение ИВ АН.

Внешнеполитическая реальность конца 1940-х — начала 1950-х годов предъявила новые требования к изучению народов Азии. Значительно выросли международный авторитет и влияние Советского Союза как великой державы, вынесшей на своих плечах основную тяжесть Второй мировой войны. Наблюдался подъем национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах Азии и Африки. В конце войны провозгласили независимость Сирия, Ливан, Вьетнам, Индонезия, в 1947 г. на территории бывшей Британской Индии возникли независимая Индия и Пакистан, в 1949 г. была образована Китайская Народная Республика, стремительно менялась геополитическая ситуация на Ближнем Востоке и в Африке.

На новом этапе востоковедные исследования в нашей стране предполагали абсолютно иной, чем прежде, масштаб работы. Деятельность Института востоковедения должна была стать частью политики Советского Союза на Востоке, где перед молодыми государствами стояли экономические, политические и социальные проблемы поиска путей дальнейшего развития. В своих воспоминаниях об отце Н.Б. Гафурова писала так: «В соответствии с критическими замечаниями в адрес Института востоковедения АН, прозвучавшими на XX съезде КПСС, и решениями Президиума АН СССР ученым предстояло детально разобраться во всех этих процессах, надлежало разрабатывать теоретические проблемы развития народов зарубежного Востока, глубоко и всесторонне изучать не только прошлое, но и настоящее, особенности хода антиколониальной борьбы, методы и формы империалистической экспансии, кроме то-

⁸⁵ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1. Ед. хр. 1170. Л. 21.

го, необходимо было продолжать исследования по филологии, лингвистике и др.»⁸⁶.

Решение масштабных задач, поставленных перед Институтом, было немислимо без новых форм организации науки и структурных преобразований. На I Всесоюзной конференции, проходившей 4–11 июня 1957 г. в Ташкенте, Б.Г. Гафуров выступил с докладом, в котором изложил программу развития советского востоковедения на 1956–1961 гг. Реорганизация ИВ АН должна была заключаться, во-первых, в значительном изменении тематики научно-исследовательской работы, а во-вторых, в изменении внутренней структуры Института и формировании ряда новых отделов и секторов, в частности Африки, арабских стран, Юго-Восточной Азии. Предполагалось установить контакты с научными учреждениями и учеными стран зарубежного Востока. В Москве в 1957 г. был создан Институт китаеведения АН СССР (ныне — Институт Дальнего Востока РАН), а в 1959 г. — Институт Африки АН СССР; появились институты востоковедения в Азербайджане, Грузии, Таджикистане, Армении. В 1957 г. начало работать специализированное Издательство восточной литературы (ныне — Издательская фирма «Восточная литература»), была создана Центральная восточная библиотека со своими фондами и правом международного книгообмена, с 1957 г. началось издание иллюстрированного журнала на русском и английском языках «Современный Восток» (с 1961 г. — «Азия и Африка сегодня»), продолжилось издание журнала «Советское востоковедение» (с 1962 г. — «Народы Азии и Африки», с 1991 г. — «Восток (Oriens)»)⁸⁷.

Институту было предоставлено около 1000 ставок, была утверждена новая структура отделов и секторов, были открыты новые научные направления, связанные в первую очередь с изучением современного Востока по всем аспектам: международные отношения, экономические процессы, проблемы национально-освободительного движения, некапиталистического пути развития освободившихся от колониальной зависимости стран Востока, внутривосточные отношения в них, современные языки, литература, история культуры. В широких масштабах стала осуществляться помощь востоковедов ИВ АН практическим организациям.

⁸⁶ Гафурова Н.Б. Отец — учитель и наставник // Академик Бободжан Гафуров. К 100-летию со дня рождения. М.: Вост. лит., 2009. С. 115.

⁸⁷ Гафуров Б.Г. О перспективах развития востоковедения // СВ. 1957. № 3. С. 7–16.

По результатам реорганизации в ИВ АН было создано 25 секторов, причем три из них — (1) истории, (2) филологии и (3) восточных рукописей — располагались в Ленинграде.

Сразу же после перевода ИВ АН в Москву руководство как самого Института, так и ленинградского Сектора восточных рукописей неоднократно поднимали вопрос об укреплении и расширении кадрового состава. Высказывались также предложения реорганизовать Сектор в Ленинграде в Отделение ИВ АН. Среди приводимых доводов главный состоял в том, что востоковедение в Ленинграде имеет исторически сложившиеся давние традиции и наряду с расширением тематики исследований эти традиции необходимо сохранять и развивать. В июле 1954 г. партийная организация Сектора восточных рукописей поставила перед дирекцией ИВ АН вопрос о создании Ленинградского отделения.

Значительный вклад в организацию ЛО ИВ АН еще на подготовительном этапе внес Иосиф Абгарович Орбели (1887–1961). В октябре 1954 г. он обратился в Президиум АН с обстоятельной докладной запиской «Соображения по вопросу о состоянии и задачах филологической работы в области востоковедения», в которой убедительно доказывал необходимость развертывания филологических, текстологических и историко-культурных исследований на материале ценнейших коллекций первоисточников, хранящихся в Ленинграде⁸⁸. Такая позиция имела исключительное значение для сохранения на данном этапе реформирования науки петербургской/ленинградской школы классического востоковедения. В марте 1955 г. директор ИВ АН Александр Андреевич Губер (1902–1971) обратился к И.А. Орбели с предложением занять должность заведующего ЛО ИВ АН, что было с энтузиазмом принято.

Однако сама идея создания Ленинградского отделения все еще вызывала недоверие у ряда представителей дирекции ИВ АН в Москве, шли «разговоры о сепаратизме, о желании создать самостоятельный параллельный Институт» и т. д. и т. п., в связи с чем Орбели, «разуверившись в реальности... разговор об Отделении»⁸⁹, согласился в ноябре 1955 г. занять должность декана Восточного факультета ЛГУ.

В это время главной проблемой существования Сектора было отсутствие четкого определения исследовательской проблематики.

⁸⁸ Азиатский музей — ЛО ИВ АН. С. 68; Юзбашиян К.Н. Академик Иосиф Абгарович Орбели (1887–1961). 2-е изд. М.: Наука, ГРВЛ, 1986. С. 93–95.

⁸⁹ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1. Ед. хр. 1176. Л. 1.

Сектор имел «размытую» структуру: так, формально в апреле 1956 г. в нем числился 61 научный сотрудник и 13 аспирантов, однако закреплены именно за Сектором были всего 11, остальные числились в составе секторов, находящихся в Москве⁹⁰. Это значительно усложняло руководство работой ленинградского коллектива. При этом, как было очевидно из письма члена-корреспондента АН СССР А.К. Боровкова директору ИВ А.А. Губеру от января 1956 г., многие высококвалифицированные кадры были перегружены технической работой, в связи с чем научно-аналитическое исследование традиционного Востока не получало в Секторе должного развития⁹¹.

На состоявшемся 16–17 апреля 1956 г. собрании актива ленинградских учреждений Академии наук «было высказано пожелание» об открытии Ленинградского отделения ИВ АН⁹². 27 апреля 1956 г. Сектор восточных рукописей был преобразован в Ленинградское отделение Института востоковедения (Постановление Президиума АН № 173)⁹³, и 26 октября 1956 г. его заведующим был назначен И.А. Орбели, который уже в 1920-е годы сформировался как организатор науки, лидер больших и сложных научных коллективов. В новых условиях, проникнутых духом коренных перемен и необходимости решения актуальных политических задач, важно было добиться понимания властей, что на первый и весьма поверхностный взгляд далекие от современности исследования письменных памятников Востока имеют огромное значение для получения объективных знаний о современных процессах. И.А. Орбели, обладавший большим опытом и связями, был наилучшей кандидатурой для решения этой задачи.

В данном вопросе И.А. Орбели получил полную поддержку Б.Г. Гафурова, который в своей политике по развитию Института неожиданно для многих большое внимание стал уделять исследованиям в области исторического и культурного прошлого Востока. Человек восточной культуры, Б.Г. Гафуров с самого начала своей деятельности на посту директора ИВ ставил задачу вывести на новый уровень исследование восточной филологии в нашей стране. Для этого предполагалось развернуть в небывало широком масштабе обработку и публикацию письменных памятников народов Вос-

⁹⁰ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1. Ед. хр. 1176. Л. 4.

⁹¹ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1. Ед. хр. 1176. Л. 2.

⁹² АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1. Ед. хр. 1206. Л. 1.

⁹³ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1. Ед. хр. 1170. Л. 2.

тока и подготовить описания восточных рукописей. В одном из писем И.А. Орбели Б.Г. Гафуров отмечал: «Я не мыслю востоковедения без ленинградских ученых и особенно без Вашей помощи»⁹⁴. Б.Г. Гафуров с удовольствием и неоднократно посещал хранилище восточных рукописей в Ленинграде и горячо поддержал два крупных проекта, предложенных Орбели: (1) издание серии «Памятники письменности Востока» (так называемой «Черной серии») и (2) подготовку коллективом ЛО ИВ АН 9-томного полного собрания сочинений В.В. Бартольда⁹⁵.

Официально перед Ленинградским отделением была поставлена задача ввести в науку большое количество рукописных первоисточников из собрания ЛО ИВ и продолжить традиционные исследования в области истории докапиталистических формаций на Востоке. Это должно было обеспечить необходимую и непрерывную связь в исследовании современного Востока, на котором были теперь сосредоточены главные усилия московского головного Института, с историческим прошлым восточных народов, изучаемым преимущественно в ЛО ИВ АН. Для создания научно-исследовательского учреждения нужны были прежде всего востоковеды различных специальностей — лингвисты, литературоведы, текстологи, историки и др. В Секторе же целый ряд востоковедных направлений и дисциплин вообще не был представлен, а имеющихся специалистов было явно недостаточно⁹⁶.

Формирование коллектива сотрудников ЛО ИВ АН, большая часть которого впоследствии прослужила в Институте на протяжении нескольких десятилетий, также стало заслугой И.А. Орбели. В силу исторических обстоятельств 1930–1940-х годов представителей среднего поколения востоковедов почти не осталось, а единицы старшего поколения уже работали в других учреждениях. Но зато из-за трудностей распределения к 1956 г. в Ленинграде скопилось значительное количество выпускников Восточного факультета ЛГУ. Некоторые коллеги И.А. Орбели рекомендовали ему пригласить в ЛО ИВ АН прежде всего известных в науке исследователей старшего поколения и дать им возможность работать по специальности. Но И.А. Орбели видел свою задачу в том, чтобы в кратчайший срок

⁹⁴ Гафурова Н.Б. Переписка академиков-востоковедов И.А. Орбели и Б.Г. Гафурова // Восток-Oriens. 2003. № 6.

⁹⁵ Петросян Ю.А. Встречи и расставания. Записки востоковеда. СПб.: Наука, 2002. С. 35–36.

⁹⁶ Азиатский музей — ЛО ИВ АН. С. 70.

восполнить лакуны, образовавшиеся в академическом востоковедении. Необходимо было дать полную информацию о коллекции восточных рукописей и широко развернуть исследование древнего и средневекового Востока. Для этого нужны были не единицы, а десятки специалистов. И.А. Орбели решил пойти на известный риск и на протяжении 1956–1960 гг. принял в ЛО ИВ АН более 100 сотрудников, в большинстве своем молодых.

Вспоминая об этом времени, Юрий Ашотович Петросян (1930–2011), являвшийся в 1963–1996 гг. директором ЛО ИВ АН, а затем СПбФ ИВ РАН, развенчивает миф о том, что штатные единицы тогдашнему заведующему были выделены в большом количестве изначально. Получив список кандидатов на зачисление, И.А. Орбели обычно отправлялся решать вопрос в Москву, в Президиум АН, где в ту пору финансовыми и штатными делами ведал вице-президент Академии Александр Васильевич Топчиев (1907–1962), который относился к Иосифу Абгаровичу с огромным уважением. Резолюцией, которую академик Топчиев налагал на составленный Орбели список необходимых ЛО ИВ АН штатных единиц, адресованной в планово-финансовое управление, всегда было одно слово: «Обеспечить». Почти все из принятых тогда в ЛО ИВ АН сотрудников проявили большие способности к творческой научной работе, а многие стали исследователями с мировым именем. Это говорит о том, что И.А. Орбели обладал подлинным чутьем на таланты и ему удалось добиться поставленной цели — создать коллектив энтузиастов. Ставка на молодое поколение полностью себя оправдала⁹⁷.

Развивалась и структура Института. И.А. Орбели принял решение восстановить систему страноведческих кабинетов. В январе 1957 г. Ученый совет ЛО ИВ АН утвердил структуру из пяти кабинетов: Арабский, Индийский, Иранский, Дальнего Востока и Тюрко-Монгольский. Позже эта структура расширилась.

Большой личный вклад И.А. Орбели внес в организацию Кавказского кабинета ЛО ИВ АН, который был восстановлен к 1958 г. и начал свою работу под его непосредственным руководством. Изначально исследования были представлены традиционными для Азиатского Музея арменистикой и грузиноведением. Но как ученик Н.Я. Марра и на основании своих личных исследований И.А. Орбели не представлял себе Кавказ вне его связей, исторических и куль-

⁹⁷ Петросян Ю.А. Встречи и расставания. С. 36–37.

турных. Поэтому дальнейшая работа кабинета должна была включить исследования Северного Кавказа, Дагестана и Азербайджана. Имея в виду, что в прошлом кабинет носил имя Н.Я. Марра, И.А. Орбели хотел направить работу кабинета по пути лучших традиций его научной школы⁹⁸.

В 1959 г. усилиями И.А. Орбели был создан и первый в истории отечественной и мировой науки самостоятельный научный коллектив, занимающийся комплексным изучением курдского народа, — Курдская группа. Работа этого подразделения до сих пор привлекает к себе внимание и вызывает высокую оценку широких кругов зарубежной курдской общественности как акт признания большой роли курдского народа в истории Востока.

В начале 1959 г. был составлен новый стратегический план работы ЛО ИВ АН на 1959–1965 гг., в котором основное внимание уделялось описанию восточных рукописей и подготовке к печати каталогов. Была начата работа по систематизации обширного тибетского фонда, созданы Тангутская и Дуньхуанская группы для описания уникальных памятников, доставленных экспедициями С.Ф. Ольденбурга (1863–1934) и П.К. Козлова (1863–1935). Началось полномасштабное описание персидского фонда, что означало решение задачи, стоявшей перед учреждением еще с первых лет существования Азиатского Музея. Первые выпуски этого описания увидели свет в 1961 и 1964 гг. В эту трудоемкую и не всегда благодарную работу по описанию рукописного наследия включались и молодые специалисты. Для координации и разработки методологических вопросов в ЛО ИВ АН было создано Методологическое бюро по описанию рукописей во главе с Александром Николаевичем Кононовым (1906–1986). Разработанные в эти годы в ЛО ИВ АН методика и схема описания письменных памятников на восточных языках были позже приняты всеми хранительскими центрами Советского Союза и в модифицированном виде применяются вплоть до настоящего времени.

С 1959 г. происходит заметный рост научной продукции ЛО ИВ АН, причем основным центром публикации ленинградских востоковедов становится специализированное Издательство восточной литературы (с 1964 по 1992 г. — Главная редакция восточной литературы издательства «Наука») в Москве. Установлению сбалансированной деятельности по прохождению работ в печать немало со-

⁹⁸ Азиатский музей — ЛО ИВ АН. С. 495–496.

действовали добрые деловые и личные контакты И.А. Орбели с первым директором издательства Олегом Константиновичем Дрейером (1919–1997), который часто бывал в Ленинграде.

Вторая половина 1950-х годов ознаменовалась значительным развитием международных связей отечественного востоковедения. Институт стали посещать зарубежные гости — ученые, деятели культуры, политики высоких рангов разных стран Востока. Это было в первую очередь, конечно, прямым следствием «гафуровского размаха» в расширении международных связей Института востоковедения. Но уровень деловых встреч и бесед, которые проводил с гостями И.А. Орбели, постоянно напоминал им о значительных отечественных традициях востоковедения и больших возможностях ленинградских ученых. По воспоминаниям ветеранов Института восточных рукописей наиболее ярким и запоминающимся событием такого рода стало посещение ЛО ИВ президентом Индии Раджендрой Прасадом летом 1961 г.⁹⁹

В 1960 г. вся деятельность ЛО ИВ — ЛО Института народов Азии¹⁰⁰ была связана с подготовкой к XXV Международному конгрессу востоковедов в Москве. Конгресс стал большим событием не только научного плана: к нему было привлечено внимание высшего руководства страны. Всего в работе конгресса приняло участие почти 90 сотрудников ЛО ИВ АН как в качестве докладчиков, так и членов оргкомитета. Некоторые из них были командированы в Москву, откуда им предстояло сопровождать группы иностранных гостей Конгресса, многие из которых пожелали ознакомиться с рукописными коллекциями в Ленинграде. Впоследствии такие светила мировой востоковедной науки, как Жерар Клосон, Поль Демьевиль, Ёсикава Кодзиро, отметили в своих публикациях, что долгожданное посещение рукописного фонда Института востоковедения в Ленинграде стало для них подлинным открытием. Для большинства же сотрудников ЛО ИВ АН, многие из которых только начинали свой путь в науке, конгресс стал первоклассной школой научного общения. Тогда же были установлены контакты, определившие международную деятельность нашего учреждения на годы вперед.

Кончина И.А. Орбели 2 февраля 1961 г. подвела черту под первым этапом работы ЛО ИВ АН (1956–1960). Это был важный пери-

⁹⁹ *Петросян Ю.А.* Встречи и расставания. С. 41.

¹⁰⁰ В 1960–1969 гг. Институт востоковедения назывался Институтом народов Азии (был переименован постановлением Президиума АН СССР от 22 июня 1960 г. № 684).

од формирования коллектива, становления его состава, структуры, особенностей и сохраняющейся вплоть до наших дней особой творческой атмосферы. Все это благотворно сказалось на деятельности ЛО ИВ АН на многие годы вперед и продолжает влиять на жизнь Института в нынешнем его качестве Института восточных рукописей РАН.

Как и прежде, изучение рукописных источников оставалось основной фундаментальной санкт-петербургской школы востоковедения и составило основное содержание работы ЛО ИВ АН. Решением Президиума АН СССР от 29 октября 1970 г. за подписями академиков М.В. Келдыша и Я.И. Пейве было утверждено четкое разграничение научной деятельности между Москвой и Ленинградом. Ленинградскому отделению вменялось в обязанность «научное описание и научное издание письменных памятников народов Востока... и изучение вопросов зарождения классового общества, особенностей развития и смены докапиталистических формаций на Востоке; истории, письменных языков народов Востока; закономерностей и специфики развития культуры в странах Востока; истории общественной мысли в странах Востока»¹⁰¹. В эти годы руководство Академии наук поставило перед ЛО ИВ АН задачу ввести в науку большое количество рукописных памятников из собрания Института, а также продолжить исследования «в области истории докапиталистических формаций на Востоке».

За 50 лет существования ЛО ИВ АН — ЛО ИНА АН — ИВР РАН было подготовлено и издано более 50 каталогов рукописных коллекций: на персидском (О.Ф. Акимушкин), арабском (А.Б. Халидов), тюркских (Л.В. Дмитриева), монгольском (Л.С. Пучковский, А.Г. Сазыкин), корейском (О.П. Петрова, А.Ф. Троцевич, А.А. Гурьева), японском (В.Н. Горегляд) и других языках. С переводом и исследованиями были изданы многие десятки памятников письменности народов Востока, дешифрованы и возвращены к жизни ряд забытых письменностей и языков, опубликованы сотни монографий.

С конца 1940-х годов З.И. Горбачевой и Н.А. Петровым была начата каталогизация фонда китайских ксилографов. В трех выпусках «Кратких описаний китайских ксилографических изданий коллекции ИНА АН (Ленинградское отделение)» (на правах рукописи) по разделам «География», «История» и «Литература» (Л., 1961) было

¹⁰¹ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 2015. Л. 14а.

представлено 908 сочинений. Позже была создана группа под руководством Б.Б. Вахтина в составе И.С. Гуревич, Ю.Л. Кроля, Э.С. Стуловой и А.А. Торопова, которая подготовила «Каталог фонда китайских ксилографов Института востоковедения АН СССР» в трех частях (М., 1973).

В 1953 г. инвентаризацию дуньхуанских рукописей продолжила М.П. Волкова (1927–2006). С февраля 1957 г. к работе с фондом приступила исследовательская группа, которую сначала возглавлял В.С. Колоколов (1896–1979), а затем Л.Н. Меньшиков (1926–2005). Результатом работы группы стало «Описание китайских рукописей дуньхуанского фонда Института народов Азии» в двух томах (1963 и 1967 гг.). Этот труд принес Ленинградскому отделению ИВ АН СССР в 1964 г. премию Станислава Жюльена французской Академии надписей и изящной словесности.

В сентябре 1956 г. К.М. Черемисов и Б.И. Панкратов составили докладную записку о перспективах возрождения тибетологии в стенах Института. В ней были перечислены тибетские памятники из собрания и работы тибетологов предшествующих поколений, нуждающиеся в издании, а также был поднят вопрос о возобновлении каталогизации Тибетского фонда.

В конце 1959 г. Е.И. Кычанову было поручено завершить инвентаризацию тангутской коллекции. В результате многолетней работы им была написана первая в мире «История тангутского государства», основанная на тангутских исторических и правовых памятниках. В 1963 г. был опубликован первый сводный каталог фонда «Тангутские рукописи и ксилографы. Список отождествленных и определенных тангутских рукописей и ксилографов Коллекции Института народов Азии АН СССР» (сост. З.И. Горбачева и Е.И. Кычанов). В 2006 г. Е.И. Кычанов, директор СПбФ ИВ РАН в 1997–2003 гг., издал выдающуюся работу, которая стала итогом почти 20 лет его труда, — «Тангутско-русско-англо-китайский словарь»¹⁰².

Изучением сирийских источников ЛО ИВ АН занималась Н.В. Пигулевская. Публикацию древнеуйгурских рукописей продолжила Л.Ю. Тугушева. Памятники тюркской руники из Монголии и Туркестана исследовались С.Г. Кляшторным, который на их основе пришел к целому ряду серьезнейших теоретических обобщений от-

¹⁰² Словарь тангутского (Си Ся) языка. Тангутско-русско-англо-китайский словарь / Сост. Е.И. Кычанов; сосоставитель С. Аракава. Киото, 2006.

носителем истории и этногенеза тюрков. Изучению памятников на древнеиранских языках посвятили свои труды О.И. Смирнова, М.И. Воробьева-Десятовская и В.А. Лившиц.

Новым этапом работы с рукописными коллекциями стало создание их охранного фонда (с применением специальной электронной, щадящей техники) для дальнейшего предоставления пользователям, предпочтительно в электронном виде. С 2004 г. Институт участвует в Международном дуньхуанском проекте (International Dunhuang Project), инициированном Британской библиотекой, где находится большая часть дуньхуанских рукописей, с целью воссоздать в виртуальном пространстве библиотеку пещерного буддийского храма. Проект объединяет усилия востоковедных центров Китая, Японии, Индии, Франции и России. С 2007 г. в Институте создается цифровая библиотека ряда фондов.

С 1949 г. в Институте работает реставрационная мастерская, которая занимается восстановлением восточной бумаги. За это время сложилась уникальная школа, признанная во всем мире, сменилось несколько поколений специалистов и отреставрировано несколько тысяч единиц хранения из многочисленных фондов рукописного хранилища.

Почти свободные от необходимости вести конъюнктурные исследования в 1950–1980-х годах, ленинградские востоковеды сумели развить на основе классической школы, стоящей на базе изучения восточных источников, мощные теоретические направления. Это исследование Древнего Востока (В.В. Струве, И.М. Дьяконов, М.А. Дандамаев, Ю.Я. Перепелкин, О.Д. Берлев), китайской идеологии (А.С. Мартынов, Ю.Л. Кроль), социально-экономической истории арабских стран (О.Г. Большаков), японской литературы (В.Н. Горегляд), корейской литературы (Д.Д. Елисеев, М.И. Никитина, А.Ф. Троцевич), курдоведения (К.К. Курдоев, З.А. Юсупова, Е.И. Васильева, Ж.С. Мусаэлян), османистики (Ю.А. Петросян), буддологии (В.И. Рудой, Е.П. Островская).

К основным научным достижениям за период существования Ленинградского отделения — Санкт-Петербургского филиала ИВ РАН относится: создание уникальных дисциплин востоковедения — дуньхуановедения (Л.Н. Меньшиков, Л.И. Чугуевский), тангутики (Н.А. Невский, Е.И. Кычанов, К.Б. Кепинг, А.П. Терентьев-Катанский), сабеистики (А.Г. Лундин, С.А. Французов), тюркской руники (С.Г. Кляшторный). Востоковедами ЛО ИВ АН были подготовлены: перевод «Сокровенного сказания» («Юань чао би ши»)

(С.А. Козин), «Путешествия Ибн-Фадлана на Волгу» (И.Ю. Крачковский), «Сборника летописей» Рашид-ад-дина (Л.А. Хетагуров, А.К. Арендс, А.А. Ромаскевич, Е.Э. Бертельс, О.И. Смирнова, Б.И. Пенкратов, Ю.П. Верховской, И.П. Петрушеский), издание трудов В.В. Бартольда (И.П. Петрушевский, В.А. Ромодин, Ю.Э. Брегель, О.Г. Большаков, С.Г. Кляшторный, И.Н. Винников, В.А. Лившиц, О.Ф. Акимушкин, Н.Н. Туманович). Опубликовано энциклопедический словарь «Ислам на территории бывшей Российской Империи» (С.М. Прозоров). Подготовлены каталог арабо-христианских рукописей из собрания ИВР РАН (Вал.В. Полосин, Вл.В. Полосин), описание рукописей на языке пашто (В.В. Кушев). Изданы тексты пехлевийской литературы (О.М. Чунакова). Составлена значительная часть электронного каталога тибетских рукописей и ксилографов ИВР РАН. Замечательные результаты были достигнуты в изучении памятников древнейшей цивилизации (рук. П.А. Грязневич). Важным результатом стала коллективная 2-томная монография «Рукописная книга в культуре народов Востока» (М., 1987–1988).

С середины 1990-х годов Институт провел серию выставок: «Потерянная империя на Шелковом пути (буддийское искусство из Хара-Хото, X–XIII вв.)» (Лугано, Вена, Берлин, Тайбэй), «От Багдада до Исфахана (мусульманские рукописи СПбФ ИВ РАН)» (Париж, Лугано, Нью-Йорк), «Лотосовая сутра и ее мир» (Токио), «Пещеры тысячи будд» (Санкт-Петербург, Киото, 2008–2009).

19 июня 2007 г. Президиум РАН принял Постановление № 143 о реорганизации Института востоковедения РАН с выделением Санкт-Петербургского филиала и созданием на его основе самостоятельного учреждения — Института восточных рукописей РАН. Это решение, направленное в первую очередь на повышение эффективности административной деятельности научного учреждения в современных условиях, имеет огромное значение для всей последующей истории отечественного востоковедения и знаменует новый этап в развитии знаний о Востоке в нашей стране. Более ранние попытки дифференцировать востоковедение осуществлялись в соответствии с практическими нуждами и были связаны с изучением определенных регионов. Организация Института восточных рукописей РАН объясняется закономерной профильной специализацией науки и подтверждает высокий статус санкт-петербургской школы классического востоковедения, основанной на изучении письменных памятников на восточных языках. Создание предшественника

ИВР — Азиатского Музея в 1818 г. положило начало этой школе и подвело черту под этапом описательного востоковедения в России.

Начиная с 1956 г. ЛО ИВ АН СССР — СПбФ ИВ РАН — ИВР РАН, как и вся Академия наук, знал и взлеты и падения. Его штат то достигал 200 человек, то опускался до нынешнего минимума; проблема оборудования здания для хранения рукописей и книг, для решения которой предпринимались и предпринимаются огромные усилия, до сих пор полностью не решена. Но усилиями практически ушедшего поколения ученых, пришедших в Институт в 1950-е годы, а также сотрудников следующих поколений проделана огромная работа — практически завершена инвентаризация и каталогизация рукописного и старопечатного наследия стран Востока.

23 ноября 1918 г., в день 100-летия АМ В.М. Алексеев выступил с «Речью об Азиатском Музее и о реформах его деятельности». В конспекте речи он записал следующее: «Основные задачи: 1. Расширить помещение. 2. Обеспечить труд хранителей. 3. На покупку коллекций сейчас же крупные суммы. 4. Оберегать от пожара и несчастных случаев»¹⁰³. К сожалению, мы ничего не можем убавить из этой речи, особенно относительно помещений, поскольку не только непрерывно растущие книжные коллекции и насущные задачи безопасного хранения рукописей, но и потребности реставрационной и фотолабораторий требуют гораздо больше площадей, чем есть сейчас в оперативном пользовании ИВР РАН.

В настоящее время изучение и издание памятников письменной культуры народов Востока остается приоритетным направлением в деятельности ИВР РАН. Долгосрочная программа издания наиболее важных для науки рукописных исторических и литературных памятников, осуществление которой было начато в конце 1950-х годов, проводится планомерно и в настоящее время в рамках издательской серии «Памятники письменности Востока», в периодических изданиях Института «Письменные памятники Востока» (с 2004 г.) и «Written Monuments of the Orient» (с 2015 г.). В 1995–2002 гг. СПбФ ИВ РАН публиковал совместно с издательством «Теза» журнал «Manuscripta Orientalia», сейчас издаваемый Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. В настоящее

¹⁰³ СПбФ АРАН. Ф. 20. Оп. 2. Ед. хр. 165. Л. 2 об.

время в ИВР РАН продолжается подготовка изданий: «Тюркологический сборник», «Монголика», «Страны и народы Востока», «Груды Архива востоковедов ИВР РАН».

Важное место среди опубликованных уникальных рукописей из собрания ИВР РАН занимают памятники исторической, художественной и географической литературы на разных языках. Научная значимость этих изданий отразилась в факте переиздания ряда этих публикаций за пределами России. Работа по изданию и изучению памятников имеет исключительное значение, ибо востоковедная текстология является сегодня, безусловно, необходимой базой для проведения исследовательских работ во всех областях изучения исторического и культурного прошлого народов Востока. Более того, опыт показывает, что изучение и издание памятника (литературного или исторического, философского или религиозного), в особенности памятника уникального, будучи важным самостоятельным научным событием, всегда становится стимулом и предпосылкой исследования историко-культурного процесса.

В настоящее время ИВР РАН остается ведущим в России и одним из наиболее авторитетных в мире исследовательских центров в области комплексного изучения письменного наследия Востока и проблем классического востоковедения. Исследования, проводимые Институтом, — важный сегмент государственной политики России, нацеленной на сохранение и изучение культурного наследия народов Востока, входящих в состав РФ и граничащих с ней, на решение проблем толерантности, межэтнического, межрелигиозного и межкультурного взаимопонимания.

Главное направление научной деятельности ИВР РАН — фундаментальные исследования классического востоковедного профиля: изучение истории, филологии, религии, философии, культуры и права Востока в древности, средневековье и новое время. Эти исследования, основанные в первую очередь на изучении памятников рукописной коллекции Азиатского Музея — ИВР РАН, являются главным направлением деятельности Института, как и дальнейшее развитие уникальных научных школ и дисциплин классического востоковедения, многие из которых представлены в России только в ИВР РАН.

Список авторов

- Акимушкин О.Ф.** Персидские рукописи (по материалам)
- Аникеева Т.А.** Тюркские рукописи (совм. с *О.А. Водневой*, по материалам *Л.В. Дмитриевой*) и статьи-описания (по материалам *Л.В. Дмитриевой*)
- Базиленко И.В.** Бакулин Ф.А.; Болдырев А.Н.
- Басаргина Е.Ю.** Уваров С.С.
- Богданов И.В.** Берлев О.Д.
- Богданов К.М.** Тангутский фонд; Картографический фонд; Аракава Синтаро
- Васильков Я.В.** *Г.А. Зограф.* Фонд индийских рукописей (ред. совм. с *Е.В. Таноновой*)
- Витол А.В.** Кононов А.Н.; Петросян Ю.А. (совм. с *И.Ф. Поповой*)
- Воднева О.А.** Персидские рукописи (по материалам *О.Ф. Акимушкина*); Тюркские рукописи (совм. с *Т.А. Аникеевой*, по материалам *Л.В. Дмитриевой*); Андреев М.С.; Березин И.Н.; Берже А.П.; Верховский Ю.П.; Погорельский П.В.; Чайкин К.И.
- Горегляд В.Н.** Японский фонд (подгот. к изд. *К.Г. Маранджян*)
- Гурьева А.А.** *А.Ф. Троцевич.* Корейский фонд (при участии); Никитина М.И. (совм. с *А.Ф. Троцевич*); Троцевич А.Ф.
- Гусарова Е.В.** Эфиопский фонд, а также статьи-описания: Эф. 27; Эф. 30; Эф. 100; Эф. 121; Ашинов Н.И.; Болотов В.В.; Пападопуло-Керамевс А.И.; Платонов В.М.; Тураев Б.А.; Чернецов С.Б.; Французов С.А.
- Дандамаев М.А.** Струве В.В. (совм. с *И.Н. Медведской*)
- Дмитриева Л.В.** Тюркские рукописи, в т.ч. статьи-описания (по материалам)
- Ермакова Т.В.** Запорова Е.А.; Обермиллер Е.Е.; Островская Е.П.; Розенберг О.О. (совм. с *К.Г. Маранджян*); Рудой В.И.
- Зайцева Д.В.** Арабографичный фонд: статья-описание С 686 (совм. с *С.А. Французовым*)
- Зограф Г.А.** Фонд индийских рукописей (под ред. *Я.В. Василькова, Е.В. Таноновой*)
- Зорин А.В.** Тибетский фонд, в т.ч. статьи-описания; Иллюстративный фонд тибетско-монгольских коллекций, в т.ч. статьи-описания; Байер Г.З. (совм. с *И.Ф. Поповой*); Барадийн (Барадин) Б.Б.; Востриков А.И.; Миллер Ф.И. (Мюллер Г.Ф.); Огнева Е.Д.; Панкратов Б.И.; Петр I; Пучковский Л.С.; Савицкий Л.С.; Семичов (Семичев) Б.В.; Тубянский М.И.; Успенский В.Л.; Цыбиков Г.Ц.; Шиллинг фон Канштадт П.Л. (совм. с *И.Ф. Поповой*); Шифнер Ф.А. (А.А.); Шмидт Я.И. (И.Я.); Ярославцева-Вострикова Н.П.

- Иодко О.В.** Броссе М.И.
- Какабадзе С.С.** Грузинские рукописи и документы (по совм. материалам)
- Каплан Г.Х.** Дунаевская И.М.
- Колесников А.И.** Дорн Б.А. (совм. с *Н.Л. Лужецкой, С.А. Французовым*)
- Лодыгин Е.А.** Лундин А.Г. (совм. с *С.А. Французовым*)
- Лужецкая Н.Л.** Дорн Б.А. (совм. с *А.И. Колесниковым, С.А. Французовым*)
- Лундышева О.В.** Сериндийский фонд; Березовский М.М.; Бонгард-Левин Г.М.; Воробьева-Десятовская М.И.; Карасима Сэйси; Малов С.Е.; Петровский Н.Ф. (совм. с *И.Ф. Поповой*); Рагоза А.Н.; Радлов В.В.; Сёгайто Масахирос; Тёмкин Э.Н.; Тугушева Л.Ю.; Циме П.; Эммерик Р.Э.; Якуб А.
- Маранджян К.Г.** *В.Н. Горегляд*. Японский фонд (подгот. к изд.); Японский фонд: статьи-описания; Астон У.Дж.; Горегляд В.Н.; Гошкевич И.А.; Григорьев А.В.; Дмитриевский П.А.; Елисеев Д.Д.; Елисеев С.Г.; Иванова Г.Д.; Кабанов А.М.; Невский Н.А. (совм. с *И.Ф. Поповой*); Петрова О.П.; Посьет К.Н.; Розенберг О.О. (совм. с *Т.В. Ермаковой*); Спальвин Е.Г.; Ханин З.Я.
- Медведская И.Н.** Амусин И.Д.; Дандамаев М.А.; Оранский И.М. (совм. с *И.М. Стеблин-Каменским*); Струве В.В. (совм. с *М.А. Дандамаевым*)
- Носов Д.А.** Бурдуков А.В.; Голстунский К.Ф.; Гомбожаб Мэргэн-гун; Дылыков С.Д.; Жамцарано Ц.Ж.; Казакевич В.А.; Ковалевский О.М.; Очиров Н.О.; Позднеев А.М.; Рыгдылон Э.Р.
- Орбели Р.Р.** Грузинские рукописи и документы (по совм. материалам); Армянские рукописи и документы (по совм. материалам)
- Островская Е.П.** Воробьев-Десятовский В.С.; Ермакова Т.В.; Кальянов В.И.; Щербатской Ф.И.
- Пан Т.А.** Маньчжурский фонд, в т.ч. статьи-описания; Валравенс Х.; Волкова М.П.; Гимм М.; Гребенщиков А.В.; Гуревич И.С.; Жебровский В.А.; Зограф И.Т.; Квонг Лай Ю (Ирена); Кротков Н.Н. (совм. с *И.Ф. Поповой*); Пан Ин
- Попова И.Ф.** От Азиатского Музея к Институту восточных рукописей: собиратели и исследователи рукописной книги народов Востока; Дуньхуанский фонд, в т.ч. статьи-описания; Фонд китайских ксилографов, в т.ч. статьи-описания; Китайский фонд NOVA, в т.ч. статьи-описания; Алексеев В.М.; Байер Г.З. (совм. с *А.В. Зориньим*); Бартольд В.В.; Вахтин Б.Б.; Гафуров Б.Г.; Горбачева З.И.; Драгунов А.А.; Иванов А.И.; Казин В.Н.; Кепинг К.Б.; Клеменц Д.А.; Колоколов В.С.; Конрад Н.И.; Котвич В.Л.; Кохановский А.И.; Кроль Ю.Л.; Кротков Н.Н. (совм. с *Т.А. Пан*); Кычанов Е.И.; Мартынов А.С.; Меньшиков Л.Н.; Невский Н.А. (совм. с *К.Г. Маранджян*); Ольденбург С.Ф.; Орбели И.А.; Петров Н.А.; Петровский Н.Ф. (совм. с *О.В. Лундышевой*); Петросян Ю.А. (совм. с *А.В. Витолом*); Рифтин Б.Л.; Рудова (Пчелина) М.Л. (совм. с *Н.Г. Пчелиным*); Самосюк К.Ф.; Солонин К.Ю.; Софронов М.В.; Спиринов В.С.; Стулова Э.С.; Таката Токио; Терентьев-Катанский А.П.; Тихонов Д.И.; Флуг К.К.; Чугуевский Л.И.; Шиллинг фон Канштадт П.Л. (совм. с *А.В. Зориньим*); Школяр С.А.
- Пчелин Н.Г.** Рудова (Пчелина) М.Л. (совм. с *И.Ф. Поповой*)
- Сазыкин А.Г.** Монгольский фонд (подгот. к изд. *Н.С. Яхонтовой*)
- Сериков Н.И.** Арабиграфичный фонд: статья-описание D 226*1–3 (совм. с *С.А. Французовым*); Розен В.Р.; Френ Х.Д.
- Сизова А.А.** Монгольский фонд: статьи-описания G 110; G 105; G 106; Fol. 6; G 79; G 26; F 188; B 173 (B 200); F 544; K 22; Владимирцов Б.Я.; Зире Е.Ф.; Руднев А.Д.

Смелова Н.С. Сирийские рукописи, в т.ч. статьи-описания; Грузинские рукописи и документы (по совм. материалам *Р.Р. Орбели*, *С.С. Какабадзе*, *Л. Хоперии*, *Т. Церадзе*), а также статьи-описания (по совм. материалам *Л. Хоперии*, *Т. Церадзе*): Е 45; М 13; Р 2; Р 10; Р 13; Армянские рукописи и документы (по материалам *Р.Р. Орбели*), в т.ч. статьи-описания; Авалов (Авалишвили) Г.И.; Алявдин А.П.; Багратиони Д.Г.; Багратиони Т.Г.; Башинджагян А.Г.; Бенешевич В.Н.; Генко А.Н.; Дондуа В.Д.; Иоселиани П.И.; Какабадзе С.С.; Кебадзе П. (по материалам *Л. Хоперии*); Кобахидзе А.Г.; Лихачев Н.П.; Марр Н.Я.; Мещерская Е.Н.; Орбели Р.Р.; Пайкова А.В.; Палавандов (Палавандишвили) Н.И.; Патканов (Патканян) К.П.; Пигулевская Н.В.; Руденко Б.Т.; Рылова (урожд. Бикмухаметова) Р.Г.; Тер-Аветисян С.В.; Хоперия Л.; Церадзе Т.; Чубинов (Чубинашвили) Д.И.; Юзбашян К.Н.

Стеблин-Каменский И.М. Оранский И.М. (совм. с *И.Н. Медведской*)

Таката Токио Исихама Дзюнтаро; Кано Наоки; Фудзизэда Акира; Ябуки Кэйки

Танонова Е.В. *Г.А. Зограф*. Фонд индийских рукописей (ред. совм. с *Я.В. Васильковым*); Зограф Г.А.; Краснодембский В.Е.; Миронов Н.Д.; Невелева С.Л.

Троцевич А.Ф. Корейский фонд (при участии *А.А. Гурьевой*); Никитина М.И. (совм. с *А.А. Гурьевой*)

Французов С.А. Арабографичный фонд, а также статьи-описания, в т.ч. С 686 (совм. с *Д.В. Зайцевой*); D 226*1–3 (совм. с *Н.И. Сериковым*); Эфиопский фонд: статья-описание Эф. 74; Бациева С.М.; Беляев В.И.; Боголюбов А.С.; Бойко К.А.; Большаков О.Г.; Грязневич П.А.; Дорн Б.А. (совм. с *А.И. Колесниковым*, *Н.Л. Лужецкой*); Крачковский И.Ю.; Лундин А.Г. (совм. с *Е.А. Лодыгиным*); Михайлова А.И.; Михайлова И.Б.; Николаева Л.И.; Полосин В.В.; Халидов А.Б.; Шумовский Т.А.

Хоперия Л. Грузинские рукописи и документы (по совм. материалам), а также статьи-описания (по совм. материалам с *Т. Церадзе*): Е 45; М 13; Р 10; Р 13; Кебадзе П. (по материалам)

Хосроев А.Л. Фонд коптских рукописей; Еланская А.И.; Ернштедт П.В.; Лемм О.Э.

Церадзе Т. Грузинские рукописи и документы (по совм. материалам), а также статьи-описания (по совм. материалам с *Л. Хоперией*): Е 45; М 13; Р 10; Р 13

Чунакова О.М. Рукописи на среднеиранских языках; Боголюбов М.Н.; Смирнова О.И.; Стеблин-Каменский И.М.

Юнусов М.М. Кинк Х.-Т.А.

Якерсон С.М. Еврейские рукописи и инкунабулы, в т.ч. статьи-описания; Бендер И.Г.; Винер С.Е.; Газов-Гинзберг А.М.; Гинцбург И.И.; Глускина Г.М.; Дашевский В.Л.; Зислин М.Н.; Коковцов П.К.; Полосин В.В.; Соколов М.Н.; Старкова К.Б.; Фридланд Л.Ф.; Хвольсон Д.А.

Ямпольская Н.В. Монгольский фонд: статья-описание К 37

Яхонтова Н.С. *А.Г. Сазыкин*. Монгольский фонд (подгот. к изд.); статьи-описания: К 20; Q 404; В 254; К 24; Q 403-а (и др.); К 1 (и др.); Q 3394; С 281; F 36; В 118; С 143; Н 304; Горегляд (Софийская) Т.П.; Дамдинсурэн Ц.; Кара Д.; Козин С.А.; Поппе Н.Н.; Сазыкин А.Г.; Носов Д.А.

Фотограф **С.Л. Шевельчинская**

Перевод с японского **В.В. Щепкин**

Список иллюстраций

Арабографичный фонд

- С 358.** Л. 78. Миниатюра с изображением Ираклия (610–641). Поствизантийский хронограф Матфея Кигалы (Цигалы) «Компендиум сообщений о ромейских царях». Алеппо. Арабский язык (перевод с греческого), середина XVII в.
- Е 4 (=322k).** Лист Корана, лицевая сторона. Точное место происхождения неизвестно, приобретен русским востоковедом и дипломатом Н.В. Ханьковым (1819–1879) в Тебризе. Арабский язык, IX–X вв.
- С 686.** Л. 94v. Трактат по военному делу «Книга-сборник, заключающая в себе (военные искусства)». Египет. Арабский язык, дата переписки: 15 февраля 1474 г.
- А 146.** Л. 67v–68. Начало первого стихотворения аш-Шазили. Исмаилитский сборник. Сирия, крепость Масйаф. Арабский язык, июль–август 1805 г.
- С 642.** Л. 1. ‘Унван (фронтиспис с заглавием и ссылкой на заказчика). «Фармакопей фармакопей (Главная фармакопея)» Да’уда (Давида), сына Насир ал-Дина ал-Агбарри ал-Маусили. Хисн Кайфа (Северная Месопотамия), ныне — Хасанкейф, Турция. Арабский язык, дата переписки: 23 декабря 1423 г.
- Е 14.** «Муракка’» («Альбом»). Альбом персидских и индийских миниатюр XVI–XVIII вв.
- Л. 30. Сын могольского падишаха Шах Шуджа (1616–1660) получает эликсир жизни от Хидра. Могольская школа.
 - Л. 82. Гиацинты. Исфahanская школа.
 - Л. 98. Шах с придворными. Исфahanская школа.
 - Л. 36. Шах Аббас I на соколиной охоте. Могольская школа.
 - Л. 83. Нарциссы. Исфahanская школа.
- С 23.** «Макамы» Абу Мухаммада ал-Касима ибн Али ал-Харири ал-Басри (1054–1122). Миниатюра № 37, л. 105: иллюстрация к 17-й макаме. Арабский язык, начало XIII в.

Армянский фонд

- В 57.** Четвероевангелие. Область Сюник, Армения. Армянский язык, 1292 г.

Еврейский фонд

- С 97.** Л. 211, стк. 8 (начало 9-го раздела книги: «О движении Луны, изображении ее движения, количестве ее орбит и значении ее таблиц»). Моше бен Иаков из Киева. «Йесод ха-'иббур» («Основа високосного года»). На схеме изображены орбиты различного вида движения Луны. Иврит, конец XV — начало XVI в.
- D 66.** Л. 3v (начало основного текста сочинения и комментария). Авиценна (ок. 980–1037). «Великий канон». Перевод с арабского Иосифа Лорки и Натана ха-Меати. Сефарад. Иврит, первая половина XV в.
- A 8.** Л. 1v. Литургический сборник. Северная Италия. Иврит, конец XV — начало XVI в.
- D 62.** [Biblia Hebraica]. Поздние Пророки (Карасубазарский кодекс). С акцентами, вокализацией, большой и малой масорой. Иран или Узбекистан. Иврит, XI в.

Эфиопский фонд

- Эф. 37.** Псалтырь. Эфиопия. Эфиопский язык, 1878 г.
- Эф. 40.** Органон восхваления Святой Девы. Эфиопия. Эфиопский язык, XVIII–XIX вв.

Грузинский фонд

- P 2.** «Калила и Димна». Место создания не установлено. Грузинский язык (перевод с персидского), первая половина XVIII в.

Согдийский фонд

- B 4.** Согдийский документ на коже об аренде мельниц. Обнаружен при раскопке крепости Калаи-муг на территории современного Таджикистана. Согдийский язык, до 722 г.

Сериндийский фонд

- SI 1928.** Сакская рукопись («Книга Замбасты»). Хотан. Хотано-сакский язык, VII в.
- SI 1903, 1904.** «Буддастотра». Окрестности Кучи (?). Язык тохарский Б, VII в.
- SI 4498.** «Сутра золотого блеска», тюркская версия. Место находки: Вуншигу, провинция Ганьсу (Китай). Староуйгурский язык, XIII–XIV (?) вв., список 1687 г.
- SI 6580.** Санскритская рукопись на бересте из Байрам-Али («Мервская рукопись»). Место находки: Байрам-Али, Мервский оазис. Санскрит, II–V вв.
- SI 3328.** «Дхармапада». Место находки: Хотан. Язык гандхари, I–II вв.

Дуньхуанский фонд

- Дх-234.** Отрывок произведения паломнической литературы. Дуньхуан (Китай). Китайский язык, VI–VII вв.

Китайский фонд NOVA

- H-56/1.** Л. 10. Маши-хуан, бессмертный целитель коней и драконов. Иллюстрированный альбом «Ле сянь чжуань» («Предания о даосских святых»). Китай. XVIII–XIX вв.
- H-56/10.** Л. 5. Хэ Сяньгу — одна из «восьми бессмертных» китайской даосской мифологии. Иллюстрированный альбом «Ле сянь чжуань» («Предания о даосских святых»). Китай. XVIII–XIX вв.

Фонд китайских ксилографов

- D-191.** Собрание трудов миссионеров-иезуитов в переводе на китайский язык.

Монгольский фонд

- К 22.** Карта земного мира и небесных сфер в соответствии с буддийской традицией. Фрагменты с изображением континента Джамбудвипа и фантастической птицы. Китай (Внутренняя Монголия). Монгольский язык, XIX в.

Тангутский фонд

- Инв. 8367.** Изображение божества планеты Юпитер. Си Ся. XII в.
- Tang. 32.** Энциклопедия «Море значений, установленных святыми». Си Ся. Тангутский язык, XI–XII вв.
- Tang. 13.** Двухязычный словарь «Тангутско-китайская соответствующая запросам времени жемчужина в руке». Си Ся. 1190 г.

Маньчжурский фонд

- С 291 хул.** Перевод «Элементов» Евклида. Пекин. Маньчжурский язык, XIX в.
- С 32 mss.** Библия. Пекин. Маньчжурский язык, 1826 г.
- С 31 mss.** Письмо императора Юн-чжэна римскому папе Бенедикту XII. Пекин. Маньчжурский язык, 1725 г.

Корейский фонд

- В 35.** Собрание рисунков Ким Чунгына (Кисана). Корея. Корейский язык (надпись), XIX в.
- D 1 (E 590).** Ким Бусик. «Самгук саги» («Исторические записи трех государств»). Корея. Китайский язык, дата издания неизвестна.

Японский фонд

- В-157.** Обложка и листы «Мори кагами дзясэйроку» («Правильные и неверные записи в летописи дома Мори»). Япония. Японский язык, XVIII в.
- С-332.** Рукописный свиток «Сютэн додзи» (сочинение жанра «занимательные истории»). Япония. Японский язык, XVII в.

Монгольский фонд

- Fol. 6.** Иллюстрированная грамота-свиток Алтан-хана Тумэтского императору династии Мин. Фрагмент. 1580 (?) г.
- К 24.** Миниатюры, изображающие будд и божеств буддийского пантеона. «Сутра праджняпарамиты в сто тысяч шлок». Китай. Монгольский язык, 1676 г.

Тибетский фонд

- Tib. 197/6.** «Сутра золотого блеска». Бурятия. Тибетский язык, XIX (?) в.
- Tib. 959, № 9.** Первый лист 4-го тома раздела «Виная» из Кагьюра. Аблай-хит (Восточный Казахстан). Тибетский язык, XVII в.
- Tib. 1278, № 2.** Одна из иллюстраций к «Тайной автобиографии» Далай-ламы V. Тибет. Тибетский язык, XVIII (?) в.

Содержание

Введение.

От Азиатского Музея к Институту восточных рукописей РАН:
собиратели и исследователи рукописной книги народов Востока 5

Часть 1

**Фонды и сокровища Азиатского Музея —
Института восточных рукописей РАН 49**

Арабиграфичный фонд	51
Фонд коптских рукописей	108
Сирийские рукописи	115
Еврейские рукописи и инкунабулы	146
Эфиопский фонд	164
Персидские рукописи	184
Рукописи на среднеиранских языках	209
Тюркские рукописи	213
Грузинские рукописи и документы	231
Армянские рукописи и документы	254
Сериндийский фонд	270
Фонд индийских рукописей	293
Монгольский фонд	301
Тибетский фонд	353
Иллюстративный фонд тибето-монгольских коллекций	404
Дуньхуанский фонд	420
Фонд китайских ксилографов	436
Китайский фонд NOVA	448
Тангутский фонд	464
Маньчжурский фонд	477
Корейский фонд	513
Японский фонд	530
Картографический фонд	559

Часть 2

**Фондообразователи коллекций
и исследователи рукописей Азиатского Музея —
Института восточных рукописей РАН 569**

<i>Приложение.</i> Сведения о действующих сотрудниках ИВР РАН	841
Основные сокращения	882
Список авторов	889
Список иллюстраций	892

Научное издание
Азиатский Музей —
Институт восточных рукописей РАН
Путеводитель

*Утверждено к печати
Ученым советом Института восточных рукописей (Азиатский Музей)
РАН*

Редакторы *Т.А. Анিকেева, О.В. Мажидова, М.А. Унке*
Художник *Э.Л. Эрман*
Технический редактор *О.В. Волкова*
Корректоры *А.Е. Танчарова, Н.Н. Щигорева*

Подписано в печать 12.10.18
Формат 70×100¹/₁₆. Печать офсетная
Усл. п. л. 74,8. Усл. кр.-отт. 83,2. Уч.-изд. л. 77,0
Тираж 300 экз. Зак. №

ООО «Издательство восточной литературы»
127051, Москва, Петровский бульв., д. 3, стр. 2

ФГУП Издательство «Наука» (Типография «Наука»)
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-9907945-9-7

9 785990 179459 7